

Химера

Повесть

Огромная зимняя туча ложится брюхом на кварталы.

Он смотрит в окно: темнеет, темнеет, и вот – упустил тот миг, когда окончательно всё исчезло, только понял вдруг, что давно смотрит не на дорогу, прикрытую ветошью первого снега, а в глаза своему отражению.

Отвернулся и поймал краем глаза надпись на магнитной доске, прилепленной к ходильнику: «Кася, му!»

«Кася» – это уменьшительное от «Аркадий». Аркаша – Аркасия – Кася, в детстве не умеешь выговаривать своё громоздкое имя и лепечешь, а родители тебе потом всю жизнь напоминают. «Му» – как ни противно сказать, звук поцелуя.

Вся эта абраcadабра значит, что мама была в гостях месяц назад, а он до сих пор не стёр её прощальную записку. А зачем стирать? Это ведь женская метка. Пусть все его гости подозревают чужое присутствие, пусть они знают, что не задержатся здесь надолго. Особо наглая, может, сотрёт и накалякает что-нибудь своё. Инстинкты, против инстинктов не по-прёшь. Девушкам невдомёк, что «Кася, му!» – это не заточки от когтей чужой женщины, заявляющей права на собственность, а просто мамина шутка.

«Му», – так он целовал в детстве, смешно вытягивал губы в трубочку и гудел. Казалось – так ласковее. Так можно – только маму в щёчку, и Лянку из детсада. Лянка считала, что это слоняво, и обязательно вытирала щёку. Выпендрёжница. Уже тогда была.

В квартире жарко. Аркадий пытался ступить по полу тихо, но босые ноги липли к линолеуму, и скользкий шорох сопровождал каждый шаг. Хотя почему он так осторожничает? Уже должно подействовать. Даже дрель вряд ли разбудит. Но нужно всё-таки проверить.

Не включая свет, он вошёл в бывшую мастерскую, которую про себя всегда называл «комнатой с хламом». Постоял, слушая тихое дыхание. Двинулся в сторону койки, но по пути уронил стул, водружённый на стол вверх ножками. Грохот. Сердце замерло. Нет, кажется, не разбудил. Можно подойти вплотную. Подсветил телефоном – на тумбочке блеснула тарелка с остатками салата, рядом – совершенно пустой стакан. Хорошо. Посветил правее – подушка лежит на лице, высовывается борода и видно приоткрытый рот, через который со слабым хрипом выходит воздух.

Спит. Наверное, можно начинать, но страшно. Он благополучно выбрался из «ком-

наты с хламом», не задев ничего, и застыл в коридоре возле двери, прислонённой к стене. Почему-то ёщё медлил, нажимал пальцем на железную створку, как на строительном рынке. Что толку корчить из себя знатока, всё равно он ничего не понимает в железных дверях, а то, что он до сих пор делал своими руками, куда более непрактично.

Конечно, легковата для хорошей двери. Те, что получше, с трудом два мужика поднимают, а он свою покупку сам до рынка донёс, благо – недалеко, через дорогу, да с остановками. Ну, скорей за дело, надо снять старую, деревянную. Он открыл её и приподнимал ломиком до тех пор, пока она не соскочила с петель и грохнулась в коридор. Угол двери чиркнул по стене, оставив на обоях приметную царапину. Ничего, сам факт присутствия стальной двери всё равно куда заметнее, чем какая-то царапина. Но он всё объяснит через пару недель. И буйство опишет, и муки совести, и как он волок тяжёлую дверюгу и спину большую потянул, и прочие пироги с грибами. Не об этом сейчас надо думать.

Зависжала пила, выгрызая щель в косяке. Он уже не боялся шуметь. Распиленные доски швырял в угол, они громко брякали по поверженной старой двери. Голый проём зиял беззубо. Оторвал последнюю доску, прислушался – тишина. Спит. Метнулся к новой двери, стал торопливо сдирать упаковочную плёнку. (А спина-то и впрямь болит, не радует это, как же быть, как же быть...)

Потирая поясницу, Аркадий замерил проём. Отошёл в сторону прихожей и потянулся, упираясь руками в верх широкой арки – рост позволял такие упражнения.

Ноет, не утихает. Надо кого-то звать, но он не может никого позвать.

Отчаяние нарастало; он вернулся на кухню и подставил плетёный стул, чтобы выглянуть в форточку. Двор был сплошным пятном темноты, только клочок света у подъезда выхватывал одинокую фигуру. Силуэт корчился, будто плавился, человек вставал и тут же садился, неловко изгибался и заглядывал то за спинку скамьи, то под сиденье. Аркадий понял, кто это у подъезда; в следующую секунду уже напяливал зимние ботинки, зная, что готов совершить самый опрометчивый за всю свою жизнь поступок.

Он выскочил из подъезда. Человек всё ещё сидел на скамейке. Хлопья снега падали на синюю кепочку, устилали прозрачной пеленой асфальт и доски лавки, человек бестолково

ёрзал ногами, и получались грязные дуги, взрытые по снегу. Под скамейкой шныряла белая собачка; человек смотрел на неё, то накибаясь под сиденье, то перевешиваясь через спинку, рискуя уронить кепчонку. Собака находила поздние ранетки, которые кто-то уже не первый раз рассыпал у подъезда – дачники беспечно относятся к этому богатству. Розовый нос собаки тыкался в розовый бок яблока под снегом; собака простуженно хрюкала, несла яблоки и закапывала в клумбе неподалёку. Псины были похожа на шерстистую белорозовую свинью; человек, наблюдавший за собакой, тоже похрюкивал и повизгивал, иногда неразборчиво мычал, его глаза на ёлтоте лице пучились, вылезали из орбит, будто он и собака знали какую-то страшную тайну или выполняли запретный ритуал.

– Гена, привет, – Аркадий встал под самым фонарём, чтобы его было хорошо видно. Фонарь тут же осветил рыжеватую шапку волос, окружил голову Аркадия нимбом. Желтолицый уставился на него, глаза ещё больше выпучились. Аркадий тут же вспомнил, как в детстве дразнили они дурачка Симпсоном и в страхе убегали от него. – Гена, хочешь фольгу? Пойдём, Гена, дам тебе фольгу. – Он знал, что дурачок очень любит скатывать блестящие шарики. Когда-то Симпсон даже отбирал у детей конфеты – ради обёртки, но взрослые быстро это пресекли.

– Фоааа! – сказал Гена.

– Пойдём, – Аркадий взял его за тощую руку. Гена поупирался, но потом пошёл, подмемекивая. Теперь главное, чтобы старуха – мать дурачка с первого этажа – не услышала вопли сынка и не высунулась узнавать, в чём дело. Аркадий быстро затолкал дурачка в подъезд, довёл до лифта. Вот они уже идут по коридору, дверь в квартиру Аркадий не запирал.

– Давай, подержи её, – сказал Аркадий.

– Просто подержи, чтобы не упала, а я клинья вгоню.

– Фоаа! – заголосил Гена. «Либо дверь его пришибёт, либо соседи выскочат на шум, либо я сам его пришибу».

Аркадий решил быть терпеливым: – Ну, давай, я же знаю, ты сильный. Смотри, как смешно: дверь без стены. Дверь, которая никуда не впускает. Смешно, но надо это исправить. Оп! Вставили. Вот я её уже держу, теперь открывай. А теперь сверху держи, а я клинья внизу подобью. «Вот теперь-то меня в лепёшку и расшибёт». Держи, держи. Можно и не так напрягаться. Ну вот, я же знал, что ты сможешь. Теперь я вбиваю клинья по бокам. Здесь важно зазор выдержать, чтобы... да ты всё равно не понимаешь. Эй! Куда?!

Дверь, к счастью, была уже закреплена. Дурачок уронил-таки свою кепку и на негнувшихся ногах двинулся в кухню, ярко освещённую, к холодильнику.

– Фоааа! – упрямо голосил он. – Фоааа!

– Тсс! – зашипел Аркадий, но Гена уже

тих: в холодильнике нашлись обёрнутые в фольгу остатки печёной рыбы. Гена с блаженной улыбкой усёлся на пол и стал бережно выкладывать кусочки на плетёный стул. «Провонояется сиденье теперь», – сердито подумал Аркадий, но решил пока не выгонять дурачка. Нужно было проверить отвесом, ровно ли стоит дверная коробка. В процессе измерения ему пришло в голову, что циркуль наверняка лежит на отцовском столе, погребённый под грудой старых чертежей, а наугольник... тоже, наверное, где-то там, или закинули в ящик. Использование отвеса вкупе с присутствием в квартире двух других основных инструментов так позабавило его, что он решил рассказать об этом на следующем сборе. Только обиняками, а то ещё спросят, зачем ему был отвес. Право, нарочно не придумаешь: только роль себе сочинил, и уже вовсю лезут совпадения в реальную жизнь. Он настолько воодушевился, что даже запел себе под нос «ряды пусть будут безупречны, и не дрожит отвес в руке...», причём запелось у него на мотив «броня крепка, и танки наши быстры».

Дверь была поставлена ровно и открыта в темноту. Створка почти касалась стола в «комнате с хламом». Ручка замка должна непременно оставаться со стороны коридора. Интересно, как он это воспримет, когда прояснится. Хуже всего, если станет тупо и тяжело колотиться в дверь в самый неподходящий момент. Это могло бы испортить интимность и даже вызвать подозрения, но Аркадию казалось, что такого просто не случится, не будет он стучать, может, даже поймёт всё сразу, в таком состоянии человек уже вообще не способен протестовать. Да, в конце концов, шум можно будет выдать за ремонт у соседей, они тоже вечно колотят, сверлят... Кстати, о сверлении: пора опробовать дрель. Он нагнулся за инструментами; к нему по полу подкатился блестящий шарик.

– Ыыыуымм! – Гена сидел на корточках возле холодильника и как-то уж очень внимательно заглядывал в лицо Аркадию. Пора бы его выставить, а то на нервы действует. Ещё полезет в «комнату с хламом». Два сумасшедших в доме – это всё-таки перебор.

– Ой! Укатилась, – сказал Аркадий, поддав кончиками пальцев по скатанной фольге, так что блестящий шарик порскнул за порог, на лестничную клетку. Гена рванулся вслед за игрушкой. На полу он стал притормаживать, но Аркадий аккуратно, под локотки, взял и выставил его вслед за фольгой.

– Вон твоя игрушка, иди, – ткнул, показывая дурачку вдоль коридора. Тот зашаркал ногами, глядя вниз и выискивая фольгу. Аркадий с облегчением захлопнул входную дверь. Тоже, кстати, железную, но обжитую и уютную, оббитую дерматином, с вязанным карманом под глазком – туда складывались квитанции.

Он прихватил с коридорного трюмо

лампу, поставил недалеко от новой двери, в тёмном пространстве «комнаты с хламом» и зажёг. Лучше риск запнуться об шнур, чем включать в мастерской верхний свет. Постоял — одна нога в оранжевом круге за дверью, другая — в освещённом пространстве коридора, послушал. Спит. Дышит ровно. Аркадий нервно улыбнулся и взял дрель.

* * *

— Вот ещё новости, — заворчал отчим, просовывая голову в комнату. — Наська, пойди, что ли, скажи им — у нас тут, понимашь, ребёнок спит, десять вечера уже...

— Девять сорок, — прошипела Ася, — вот именно, ребёнок спит, а ты тут орёшь громче, чем сама дрель.

— Ну, всё равно не дело, ну, совесть же надо иметь, суббота же, мать её... Он как будто в голове у меня сверлит, мать её, тебе нравится это, что ли? — Отчим мутно смотрел на дремлющего Вадика, которого Ася держала на руках. — Наська, да положи его в люльку, он большой уже, чтоб укачивать. Айда, положи да поднимись и скажи ему...

— Откуда я знаю, в какой это квартире? — Ася чуть повысила голос, Вадик сонно захныкал, не просыпаясь.

— Да чё, не знаешь ты, в сорок седьмой это. Они же третьего дня стену ломали, евроремонт там у них. Ну, хмырь этот толстый, которому ещё грузовик материалы подвозил... Иди сходи...

— Сам сходи, это же тебе телевизор глушил, не мне, — Ася уже поняла, почему отчим так недоволен.

— Наська. — Он тяжело вздохнул и слегка ткнул в косяк кулаком. — Я кому сказал... Ты хочешь, чтобы я тут пошумел? А я пошумлю. И Вадька из-за тебя опять расхнычится. Ты как вернулась, забыла вроде, кто в доме хозяин. Ну-ка быстро. Пулей, я сказал! — Вадька от этого взглаза открыл сонные глаза и заплакал. Ножка в белом сандалике съехала с голой Аськиной коленки, Вадик весь распластался, как большая тряпичная кукла — сейчас он напрягётся и заорёт в полную силу.

— Ш-ш-ш, ш-ш, — Ася поспешила стянуть с него сандалики. — Сейчас иду, сейчас. Ш-ш-ш, ш-ш-ш... А-а-а-а... — Колыбельные на Вадика обычно не действовали — он открывал глаза и с любопытством их слушал, работали только укачивания и какие-то абстрактные звуки. — Ш-ш-ш... — после такого долгого укачивания ныли руки, а сейчас ещё и дрель над головой добавилась, мешала убаюкать. Хорошо хоть отчим голову убрал и дверь закрыл. Ася продолжила напевать, сердито поглядывая на своё отражение в новом чайнике, будто в комнате сидел ещё кто-то и мешал ей успокоить Вадьку. Сейчас её всё раздражало: дрель, плач сводного братишки, поведение отчима, который опять вернулся к своему телевизору, а в чай-

нике, хоть отражение и было искажённым, Аська прекрасно видела, что её правый висок всё ещё оранжевый после не совсем удачной покраски хной, и это бесило едва ли не сильнее, чем необходимость тащиться на этаж выше и ссориться с соседями, поглощёнными евроремонтом.

Кое-как убаюкав Вадьку, Ася уложила его в кроватку, а потом сунула ноги в тапочки, взяла пуховик, брошенный тут же в кресле, и вышла на лестничную клетку, пахнущую цементом. Не хотелось вызывать лифт. Чтобы оттянуть встречу с соседями, потащилась по голой пустой лестнице. Наверняка ей даже дверь в секцию не откроют — не услышат за своей дрелью. Она шаркала тапками, бездумно смотрела на свои тощие ноги; из-за того, что домашние шорты были коротки и прятались под подолом, казалось, что она надела куртку на голое тело.

Сверху, помимо надсадного воя дрели, доносился ещё и какой-то лязг. Подходя уже к самой площадке, она подняла голову: дурачок Гена катался на решётчатой двери в секцию.

«Возвратилась, называется, в родные пенаты, — обречённо подумала Ася, — в этом райончике идиот на идиоте, идиотом погоняет». — А ну кыш, иди, иди отсюда, — закричала она на Гену. Тот отпустил дверь и заметался. Ася с опаской обошла его, увидев, что он оказался снаружи, быстро проскользнула в коридор секции, захлопнула дверь: — Гуляй до мамы! Расшумелся тут! — чтобы Гена понял, она несколько раз показала рукой в сторону лестницы. Ей не хотелось, чтобы он торчал поблизости, когда она пойдёт назад.

Ася отвернулась от решётчатой двери и пошла вперёд по коридору, прислушиваясь. Сорок седьмая квартира за деревянной дверью молчала. Зато из-за соседней двери через пару мгновений донёсся тот самый сверлёт. «А вот в Сашкиной хрущёвке стены были потолще и звуков меньше, да и дом не так продувало ветром», — снова затосковала Ася и нажала на кнопку звонка.

Дрель сразу затихла. Некоторое время длилось напряжённое ожидание по ту и по эту сторону двери. Ася ждала с терпением голодной кошки у норы, и когда «фанат евроремонта» решил, что опасность миновала и принял ся за своё — вдавила кнопку звонка и не отпускала.

Ждала, не убирая пальца. Вот что-то зашивалось в запертом пространстве, зашуршало и заскребло в замке, створка приоткрылась на длину цепочки, по-стариковски. Ася так и не убрала палец, звонок нудно чирикал.

— Хорош сверлить, — сказала Ася. — На время посмотрите. Дети уже спят.

— Великодушно прошу извинить, что помешал тебе спать, деточка, — голос был полон яда. Ася обиделась, перестала нажимать на кнопку. Она стояла на освещённом пространстве, и хозяин дрели мог заметить, что перед

ним хоть и тощая и голоногая, но уж точно не деточка.

— Не мне, а брату. И если ты, деточка, посверлишь ещё хоть три минуты, на тебя уже можно будет пожаловаться.

Лязг цепочки. Дверь открылась пошире — не на всю ширину, но так, что Ася увидела: высокий, очень высокий, тоже кудрявый; абажур где-то в комнате за спиной рыжит волосы. Лицо сзади освещено, не разглядеть толком, искры на дужках очков.

— Я тебя знаю, кажется, — говорит.

— Ух ты, меня знают соседи по подъезду, звезда в шоке.

— Это ты была — Алконост?

— Что?!

— Алконост, — повторил он уже не так уверенно.

Тут Аську как мешком по голове ударило. Вспомнила. Конечно же, конференция!

* * *

— Странник, ну что ж вы такое место выбрали нынче, — бурчали многие, проходя мимо высокого человека с жёстким обветренным лицом. Человек сокрушённо разводил руками, потом спохватывался и догонял возмущающихся, требуя расписаться в каких-то бумажках. Люди чертыхались, на пол сгружали рюкзаки, чтоб не держать на весу так долго тяжесть — кое у кого там наверняка была даже амуниция, притащили для представления заявок на игры. Расписывались в бумажках и волокли рюкзаки по полу в какую-то подсобку рядом с первым читальным залом.

Обычно для ролевой конференции, которая проводилась четыре раза в год, удавалось найти угол поприличнее, часто в роли «угла» выступал вполне нормальный зал в гостинице «Маяк», но в этот раз какие-то сложности возникли с организацией: то ли отказался кто-то в последний момент, то ли сроки прошлили, когда можно было договориться... Как бы то ни было, пришлось ютиться в обычной муниципальной библиотеке.

Часть читального зала отвели под сцену, сдвинули немного стулья, чтобы освободить место для выступающих перед конторкой. Принесли откуда-то проектор и экран, на котором вскоре замелькали отрывки съёмок с игр предыдущего сезона. Народ напряжённо следил за мельтешением на блёклом экране. Хотели, узнавая себя, тыкали пальцем.

Видеочасть вскоре закончилась, и для Аси настал момент жестокого беспокойства. Разыгрывали сценку из древнегреческой мифологии — это была заявка на проведение очередной игры «Антик». Играли её уже четвёртый сезон подряд, поэтому мастера почти ничего не объясняли, а только многозначительно улыбались, стоя рядом за конторкой. «Антик» знали все, в ней играло полгорода. Даже к этой крохотной сценке подошли ответственно: у

Тесея был отличный меч, у Минотавра — огромная, неплохо выполненная бычья голова (папье-маше, что ли); одно плохо — из этой головы был плохой угол обзора, как из неудачного шлема, и когда Минотавр с воплем напрыгнул на Тесея сзади, библиотечный стенд опасно покачнулся.

— Мать! — Ася бросилась спасать стенд, потому что именно там висели её рисунки. Минотавр торчал рядом и извинялся. Ничего, сказала ему, пустяки. Главное, что ничего не раздолбали. Антики ушли, на очереди была следующая заявка, и Ася с беспокойством поглядывала на сверкающих рыцарей, застывших с занесёнными мечами: ну как разморосятся, по замыслу режиссёра, и пойдут всё крушить не хуже человекобыка? Обошлось. От стендов она, однако, больше не отходила, даже когда заявки кончились. Наблюдала за людьми.

Рисовала она в те времена мало, о персональной выставке не помышляла. Но согласилась принести на конференцию рисунки и повесить — просто для красоты, ведь самопальная выставка куда лучше, чем голые обшарпанные стены библиотеки да стенды, оформленные в лучших традициях советского времени: «Готовимся к 1 сентября», «Уголок смеха», картинки неумело скопированы из книжек для дошкольята.

Где-то поверх носа Буратино, криво обведённого старательным оформителем, и висела эта картинка, — неудачно висела, нос просвечивал через тонкую бумагу. Выходило, что какой-то тёмный угол упирается женщине прямо в живот.

Обычно посетители конференции обращают куда больше внимания на лотки ремесленников, чем на выставку. Так и в тот раз было: все сгрудились у прилавков, щупали этнические бусы, приценивались к фибулам и спрашивали, нельзя ли заказать ремешок. А этот не щупал и не приценивался, этот у стендов застял и смотрел на картинку Аси, через которую просвечивал дурацкий Буратино.

«Толстый», — неприязненно подумала Ася, имея в виду «ценителя художеств». «Ценитель» ей не понравился ещё и потому, что смотрел на картинку, которая висела так невыигрышно. Женщина на рисунке не была полностью обнажённой, однако Асе всё равно казалось, что угол этот — неприличный. Асе тогда было шестнадцать лет, и она болезненно относилась к мелочам. В этот момент «толстый» взглянул на неё и она, должно быть, посмотрела в ответ задиристо — так, что он сразу спросил:

— Это вы рисовали?

— Нет, — сердито ответила Ася, но он уже перевёл взгляд на бейджик:

— «Алконост». — Сверил с подписью на рисунке. — Отличные работы.

— А вы, — Ася тоже глянула на его бейджик, у всех участников конференции были, —

а вы, «Бел-ле-ро-фонт», разве все работы видели? Вы возле этой стоите битый час, ценитель сисек в искусстве.

— Запомните, дорогая: если мужчина — не ценитель сисек, это вообще тревожный знак. Хотя, судя по рисунку и по вашей внешности, вы и сами неравнодушны... — «Беллерофонт» ещё раз презрительно осмотрел всю её фигуру — короткие волосы мышного цвета, бесформенная кофта-«кенгуру», застиранные джинсы с растянутыми коленями, кроссовки.

Асе потребовалась пара секунд, чтобы понять намёк. Её щёки стали красными, но она сдержалась и нанесла ответный удар:

— Я тоже умею ставить диагнозы по внешности. С вас бы неплохо рисовать святого Себастьяна.

* * *

Сценка живо встала перед Асиными глазами, но она не смогла вспомнитьnika и поэтому ляпнула:

— А-а, привет, святой Себастьян. Два года не прошло, как встретились. Предложение в силе, кстати.

— Ты теперь лучше выглядишь, — сказал он. — Парня нашла? Или ты и правда по девочкам?

— Пошёл в ж...у, — ласково сказала Ася. — И дрель свою туда же засунь. Что ты там расверлился, кстати? Дополнительные дырки в забрале понадобились?

— Да, как ты угадала? — с запинкой ответил «святой Себастьян».

— Ну не ремонтом же ты занят, с таким-то лицом. Вам, святым Себастьянам, что-нибудь духовное подавай, а на прозу жизни вы не согласны.

— Ладно, гуляй, — сказал он, собираясь захлопнуть дверь.

— Ещё посверлишь — голову отвинчу. Или дрыном получишь на следующем турнире, я умею, — пообещала Ася и, не дожидаясь, пока он закроет дверь, двинулась к выходу из секции.

На площадке между пролётами что-то шевелилось, раскачивалось из стороны в сторону. Лампочка, реагирующая на движение, теперь почему-то не включалась. Ася, трепеща, спустилась на пару ступенек во тьму, с площадки донёсся жалобный вой.

— Фу ты, — с облегчением Ася поняла, что это всё тот же Гена. Сидит, должно быть, обняв руками колени, и хнычет. Мамочку потерял. Ася вызвала лифт — придётся спуститься на первый этаж, позвонить в квартиру тёте Маше, чтоб забрала непутёвого сыночка, путешествующего по подъезду.

* * *

Аркадий закрыл дверь. Стоял, прислушиваясь. Уходит. Что ж, главную работу он всё равно сделал. Осталось завернуть анкерные болты. Проём запенивать не будет — нельзя время терять.

Возясь со вторым болтом, он вспомнил соседку фразу о шлеме и хмыкнул. Какую подходящую отговорку подбросила... У него действительно был подобный шлем, тридцать шесть дырочек в забрале — восемнадцать слева и восемнадцать справа, китайские свёрла на раз затупляются, пока сделаешь нормальное забрало — два вечера точно убьёшь. Очень правдоподобная ложь.

Правда, теперь шлем и кольчуга прочно обосновались в шкафу — до лучших времён. В последнее время он предпочитал роли магов и оккультистов: интеллектуально, не надо кучу амуниции на себе таскать, да и детские это всё глупости с вашими боями и мечами из пластика, честное слово... А вот теперь ему предстоит сыграть злокозненного масона, Мастера, главенствующего над ложей. Круглая шляпа, белые перчатки, кинжал на чёрной ленте с надписью, вышитой серебром: «Победи или умри!» — красота.

Работа на сегодня была закончена. Аркадий вытащил лампу из «комнаты с хламом» и проверил, как закрывается замок. На цыпочках подкрался к спящему, послушал — дышит ли? Кажется, всё в порядке.

Он выбрался из мастерской и запер дверь. Налёг на узкий шкаф-пенал, стоявший тут же в коридоре, и сдвинул его влево. Шкаф идеально встал в дверной проём. Сверху Аркадий для маскировки поставил два цветка со свисающими листьями — мамину «наследство», хоть какую-то пользу теперь принесёт.

Готово. Правда, каждый раз двигать шкаф — тяжко для спины. Но он будет прятать дверь только перед тем, как звать особенных гостей. Чтобы не случилось опять, как в прошлый раз. И еду оставлять в «комнате с хламом», разумеется.

Аркадий вернулся абажур на трюмо. Разгибаясь, глянул на себя в зеркало, сердито фыркнул, вспомнив «святого Себастьяна». Как ни печально, девчонка без штанов права. Пухлая фигура на высоких ногах, белая кожа, рыжеватые волосы, — он действительно напоминает Себастьяна, эту изящную мишень, пронизанную стрелами ренессансной эпохи.

* * *

Ему бы никогда не пришла в голову такая вопиющая, если со стороны посмотреть — идиотская, невозможная, аморальная идея, если бы не... В общем, это всё отговорки. Даже если бы в решающий момент правда открылась — не так уж страшно. Просто в какой-то момент испугался до смерти, потому и решил.

До сих пор никто не тревожил Аркадия и

его непостоянных гостей. Ни здрасте сказать очередной девушки, ни просто выползти посмотреть, кого он там опять охмуряет, — никакого интереса, Аркадий думал, что это мужская солидарность, вроде как — развлекайся, я тебе не мешаю, или же — просто боязнь людей? Ведь даже если звонили работники энергонадзора, проверяющие показания счётчиков... когда Аркадия не было дома, им никто не открывал. Как будто и впрямь квартира пустая.

Той памятной ночью ему снился очень неприятный сон. У девушки, которую он привёл в этот раз, было красивое лицо, но голова — довольно маленькая для её роста, а во сне и вовсе — не только голова, но и всё тело как-то ссохлось, съёжилось, потемнело. Ему снилось, что он проснулся, потрогал её — высущенную, как прошлогодний лист, испугался, что рядом с ним лежит мумия, а она глянула на него, оскалившись — зубы сверкнули в полутьме — понял, что это не мумия, а чёрная обезьяна. В ту же секунду обезьяна бесом взвилась с кровати и заскакала по комнате. Смахнула футляр для очков и мобильник с тумбочки, грохнула кулаком по небрежно открытой крышке ноутбука, пихнула тумбочку ногой так, что та повалилась, раскрыв утробу, рассыпав по полу старые конспекты, черновики... Аркадий бросил в обезьяну подушкой, чтобы прекратить буйство, а она выпрыгнула в коридор и спряталась в «комнате с хламом».

— Стой! — крикнул Аркадий во сне — и проснулся. Он ещё не понимал, что всё пригрезилось, внутри жил двойной ужас: неизвестно, что на уме у обезьяны, притаившейся в темноте, она может на него напасть... а ещё — ведь в «комнате с хламом», куда она запрыгнула...

— Папа? — Аркадий резко сел, покрываясь мурашками уже настоящего ужаса.

Отец уставился на него в полутьме, сказавшись почти так же, как та обезьяна. Аркадий никогда не видел такого страшного лица. Он смотрел отцу в глаза — близко-близко, иначе бы не увидел, всё бы расплылось пятном в сумраке, — и одновременно отчаянно щупал волея себя на постели. Пусто. Девушки нет.

— Папа, что тебе?! Что ты тут делаешь? И где, — секундная заминка, пока он спросонья вспоминал имя, — где Лида?

Тишина стояла в квартире такая, что он отчёлочно услышал шум воды в туалете. Раз, потом ещё раз. Чертыхание. Всё ясно: слив опять сломан.

Отец продолжал смотреть на него, не мигая, но оскал постепенно таял, напряжение спадало. Аркадий, не давая себе размышлять, спрыгнул с кровати и схватил отца за плечи, оттесняя, слабого и лёгкого, в коридор.

— Папа, иди спать. Иди спать, папа, — повторял он. — Я тебе дам таблетки сейчас. Не надо так высакивать ночью, ты мог девушку напугать. Ну, пойдём, пойдём...

Отец словно бы забыл, зачем приходил в комнату к сыну. Он послушно пятился, дошёл

до своей постели, сел, принял лекарство и лёг, завернувшись в простыню и подтянув колени к самому подбородку.

— Вот так, — Аркадий с облегчением вздохнул: он добавил к обычной порции ещё и снотворное. Но должно пройти немного времени, доза не конская. Он снова вышел в коридор, предупредительно постучал в дверь туалета:

— Лида! Не беспокойся, тут бывает такое со сливом. Не стесняйся, выходи, я поправлю всё.

— О, это кошмар... Мне так стыдно... — донёсся возглас отчаяния. Дверь распахнулась, на пороге стояла совершенно голая девушка, в руках ёршик, ужас на лице. — У меня живот заболел... я думала, тихонько проберусь, пока ты спишь...

— Иди в кровать, а я всё починю. — Он подтолкнул смущённую Лиду в спину. Исправление неполадки заняло несколько минут. Когда Аркадий вернулся в спальню, там горел ночник.

— А что это ты тут... ты искал что-то, что ли? — Девушка растерянно стояла посреди погрома. Разваленная тумбочка, от мобильника крышка отлетела, и батарея вон, в углу, вместе с футляром от очков — к счастью, стёкла целы... «Значит, шум от «обезьяны» на самом деле — попытка отца разбудить меня. Но почему он не говорит? Почему он ничего не скажет, чёрт возьми?»

— И нашёл, — Аркадий подмигнул ей и направился к россыпи бумажного хлама. Вытащил из-под бумажек упаковку презервативов.

— Ещё раз? Ну, ты даёшь, три часа ночи. А чего так спешить-то? — лицо у неё сморщилось от смеха, и точно — похожа стала на обезьяну.

— Внезапность и спонтанность — наше всё, — Аркадий мысленно вздохнул и выключил ночник. Мутное объяснение, конечно, но с Лидой прокатит. Она вообще человек незамысловатый, случайный.

Очень скоро он опять встретил рыжую соседку. Она шагала по проезжей части, под мышкой — огромный чёрный планшет. Ни дать ни взять, квадрат Малевича на ножках. Планшет почти целиком закрывал хозяйственную сумку; и без того нелегко тащить, а тут ещё и ветер налетает, пытается крутить вместе с неудобной ношкой, точно флюгер. Поворачиваясь на ветру, тёмная фигурка упорно двигалась к остановке. Иногда взмахивала рукой, завидев маршрутку. Маршрутки проносились мимо, вспарывая бурый от песка снег.

Соседка представляла собой такой идеальный, сферический в вакууме образ женщины, попавшей в беду, что Аркадий свернулся с проторённого пути в магазин:

– Наше вам, – сказал он и пошёл по бордюру рядом. Бордюр делал Аркадия ещё выше, так что, когда она сердито зырнула на него из-под шапки – встретилась взглядом не с глазами, а с блестящими пуговицами пальто.

– Помочь тебе? – спросил Аркадий.
– Не лезь не в своё дело.

– Куда ты эту машину волочёшь? Тебя ни в одну маршрутку не возьмут с ней.

– Представь себе, я знаю. Но, может, автобус подоспеет. – Она ускорила шаг, насколько это было возможно на скользкой, раскисшей дороге. – Что ты прицепился ко мне? Нет у тебя машины – ну и отстань.

– Вот, тоже мне... Вроде бы высокодуховная особа, алконостов и сеастьянов всяких знает, – засмеялся Аркадий, – а туда же: без личной машины и не подходит...

Рыжая остановилась, устало поставила планшет на носки ботинок. Задрала голову:

– Слушай, отстань по-хорошему, а? Я в помощи не нуждаюсь, я отлично вижу, что ты пристал просто так, языком почесать. Иди своей дорогой.

Аркадий, не мигая, смотрел на неё сверху вниз. Будто сканировал лицо – заиндевевшие ресницы, неровные щёки, что пошли красными пятнами от холода, жёсткую медную чёлку, выбившуюся из-под шапки с помпоном.

– Я тебе очень не нравлюсь, – сказал он наконец.

– Да ладно! – протянула рыжая, будто удивляясь.

– Неудивительно, про меня много всякого говорят в ролевых кругах...

– Не знаю, что там говорят. Два года не кружила, только недавно вернулась.

– Что ж ты так? Болела?

– Есть такая болезнь, называется – быт заел, – буркнула. Снова прихватила планшет за верх, собираясь идти дальше.

– Бывает. Меня быт, как правило, во время сессий заедает. – Аркадий настойчиво протянул руку в чёрной перчатке: – Давай же помогу, в конце концов. Остановку мы, между прочим, прошли.

– Да до неё и пешком недолго, расхотелось деньги тратить.

– До кого?

– До подруги. Рисовать иду.

– О-о-о... – протянул Аркадий. – А почему к подруге?

– А дома быт заедает.

– Нет, подожди, я догадался. – Он хитро прищурился. – Ты её... с натуры рисуешь?

Она опять остановилась. Устало вздохнула:

– Послушайте-ка, ваше несвятое святышество. Я знаю, о чём вы подумали. Зарубите себе где-нибудь: на худграфе обнажённую натуру рисуют с третьего курса, а я только поступила...

– Два года назад, как я понимаю, ты и вовсе не училась на худграфе, но это тебе не

мешало, – перебил Аркадий, многозначительно двигая бровями.

– Я рисовала не с натуры – из головы. А дома сейчас невозможно ни то, ни другое. Так что иду доделывать в другом месте. И если вы, сраное святышество, продолжите приставать...

– То что? – сказал он. – Меня Аркадий зовут, кстати.

– То я, Аркадий, голову тебе проломлю.

– Прикусила губу, выставив подбородок, до боли напомнила этим Лянку.

– Ты уже обещала. Дрыном. Я думаю, технику боя ты за два года быта подрастерья.

Она, похоже, решила больше не продолжать демагогию и не отвечать ни на какие провокации. Однако Аркадий ухватился за чёрный рукав пуховика.

– Между прочим, – заметил он, – сосредоточиваться можно и в моей квартире. Ты же грозилась нарисовать с меня святого Сеастьяна?

Сморщила губы – то ли улыбалась, то ли сдерживала гневный вопль. Вырвалась.

– Да отстань от меня, отстань! Ты не вовремя, видишь – ты не вовремя! Вообще всё это – не вовремя!!

– Пожалуйста, ничего я и не хотел, – пробормотал Аркадий, увидев, что в глазах сверкнули слёзы. Она резко отвернулась, заспешила дальше по грязи. Ему было немного обидно, чувствовал нутром, что всё вышло как-то по-дуряцки. – А если долго повторять «не вовремя», бессмыслица получается. Ваше благородие, госпожа Невовремя... – так, мурлыкая, чтобы скрыть от самого себя смущение, он и продолжил прерванный путь в магазин.

На обратном пути Аркадия поджидало несколько сюрпризов. Во-первых, кто-то из соседей по секции оказался рассеянным, а может, некогда было прогонять – в общем, по чьей-то вине дурачок Гена-Симпсон оказался запертным за решётчатой дверью. Аркадий долго не мог попасть в секцию: Гена, завидев его и затянув радостное: «Фооаа! Фоооаа!», со слюнями во рту, тянул что есть сил решётчатую дверь на себя, алкая встречи с фольгой. Аркадий, в свою очередь, пытался войти и тянул дверь к себе, как она и должна была открываться. В общем, накричав на Гену, выматерившись, чего с ним почти никогда не бывало, «Кася, ты что, язык с мылом будешь мыть», Аркадий всё-таки оттянул створку двери и добрался до квартиры. «Сейчас буду гнать веником поганым!» – пригрозил он Гене, болтавшемуся по коридору секции. Веник заполучил в два прыжка до ванной, а потом решил ещё прихватить квитанции из вязаного кармана под глазком. Прогонит психа до мамочки, а заодно оплатит коммунальные платежи.

В кармане среди квитанций нашупал более плотную бумагу. Аркадий удивился: у него везде был образцовый порядок, кроме отцовского логова – «комнаты с хламом», и случай-

ная бумажка вряд ли бы затесалась в квитанции.

Он вынул из кармана вместе со счетами длинный конверт. Старый, оборванный с краю, пустой, но внутри и не могло ничего быть важного, главное оказалось снаружи. Замерев, Аркадий прочёл на свободном от штемпелей пространстве:

«Грустно,
Когда никто тебя не любит,
Кроме зайца бородавчатого».

Тут ещё были рисунки. Лица. Мужчины с бородами и длинноволосые женщины. Все таращатся на Аркадия: глаза выпуклые, жирно нарисованные морщины – как оправы очков.

Мерзкие личики.

Дверь в мастерскую была отперта, папа спал. Аркадий пошёл смотреть на него, увидел только мирно вздыхающийся бок под простыней да подушку, прикрывающую голову. Тусклый зимний свет прилёг на простыню сверху.

– Ну, зачем? Зачем? – завёл речь Аркадий, не боясь разбудить. – Зачем ты – про зайца бородавчатого? Ты ведь не только не говоришь ни с кем – и записки писать никогда не хотел. А теперь записалось? Так почему про зайца? Ты мне за эти годы хоть раз сказал «привет» «доброе утро»? А ведь я тоже живой человек. Почему ты мне тычешь им в нос, поминаешь мне зайца этого, спустя пять лет, без малого?

Отец и не думал просыпаться.

– А-а, я знаю, почему заяц, – заговорил снова Аркадий, тяжело дыша. – Это шутка та-кая, да? Или месть. Это потому, что я тебя запер, как ты меня тогда. Да? Скажи!

Нет ответа.

Аркадий ударил по тумбочке, смахнул посуду. Стакан залетел под кровать, тарелка прокатилась на ребре и упала вверх дном. И опять тишина.

Постояв ещё немного, Аркадий сунул смятую квитанцию в карман брюк. Перехватил веник поудобнее, собираясь на Гене зло сорвать.

Но дурачка не было у решётки. Шум доносился с этажа пониже. Аркадий, твёрдый в намерении сорвать зло, кинулся вниз по лестнице. Однако источником шума оказался не Гена.

За дверью чужой секции мужчина бил женщину. Бил молча и как-то задумчиво. Судя по движениям, был пьян. Бил по ребрам, женщина почти не сопротивлялась, отталкивала слабо, сгибалась, закрывала голову. В тот момент, когда подошёл Аркадий, она пыталась отбежать, слепо хваталась за стену руками. Мужик дёрнул её за волосы, повернул к себе, снова ударил.

– Сука, что ты там делаешь? Сука, что ты делаешь? – заорал Аркадий, изо всех сил тряся решётку, чтобы грохотом привлечь к себе внимание. В несколько секунд у него в голове пронеслось множество глупостей: и то, что в чу-

жие дела лезть не надо, сегодняшний день прекрасно доказал это, и то, что драться он при своих очках и без меча не слишком способен, и даже то, что трясёт он тут дверь и орёт на мужика, пытаясь помочь женщине, а употребляет при этом парадоксальное «сука»...

Мужик не отреагировал, но тут из открытой двери в квартиру раздался визг:

– Я выброшу сейчас в окно твой телевизор!

Это подействовало: он бросился назад в квартиру, женщина, сгибаясь, цепляясь за него – следом, дверь захлопнулась.

У Аркадия, казалось, ноги к бетонному полу приклеились. Голос, визжавший из квартиры... Ещё сегодня днём он слышал, как этот голос срывается на крик.

Он опять заколебался – что бы с ним стало, если бы соседи участливо лезли в его дела? – но, отбросив сомнения, стал лупить по всем кнопкам звонков. Никто не отвечал. Мёртво. Может, все слышали звуки драки и предпочитали отсиживаться за толстыми стенами.

Наконец на трезвон вышла – кто бы мог подумать – та самая побитая женщина. Она устало зашаркала в сторону Аркадия, придерживая длинный синий халат одной рукой, другой – прижимая к левому глазу тёмный кусок ваты. Подошла ближе – запахло чаем. «Что за манера – фингал заваркой лечить», – только успел подумать Аркадий, как женщина прошептала, приблизив разбитое лицо к решётке:

– Сдурул звонить? Он только успокоился. Никогда долго не буйнит, если не раздразниши.

Аркадий, собираясь сказать, что надо звонить в милицию, к своему изумлению выдал самый глупый вопрос, который только можно было представить:

– А... А... А Алконост дома?

– Сам ты алкозавр, – буркнула женщина.

– Пустите, пожалуйста... Мне надо увидеть её. Вашу дочь. С ней всё в порядке? Я её обидел днём, – взмолился Аркадий.

– С ней всё в порядке, он её и не бьёт никогда, так – за волосы таскает, – успокоила женщина. – Ты трезвонить прекращай и иди за мной, – она оценивающе взглянула на него, отняв ватный тампон от лица, – поможешь мне чуть-чуть.

Загремела ключами. Аркадий нетерпеливо ждал, пошёл впереди по коридору, едва сдержавшись, чтобы не войти прежде хозяйки в квартиру.

Было темно, резко пахло перекипевшим супом. Женщина охнула, исчезла – побежала, наверное, на кухню. Аркадий на ощупь разулся, расстегнул пальто. Двинулся вперёд, наступил на ручку, толкнул и вошёл.

Эта комната казалась крохотной, потому что была густо заставлена и завалена вещами. На нижней части двухэтажной кровати грудой лежали плащи и куртки. Журнальный стол

занимала посуда, возле никелированного бока чайника сердито сверкала маленькая свеча. Письменный стол оккупировала швейная машина и бесчисленные коробки с нитками и пуговицами. На подоконнике ютились кактусы – видно, все отпрыски того большого, что не вместился на подоконник и стоял в углу комнаты, отбрасывая на стену тень в форме трезубца. Тень колыхалась под сквозняком, трогавшим свечу. А может, это дыхание долетало до пламени.

Она сидела на кровати. Высоко подобрав ноги, укрытые старым джемпером. Смотрела на огонь.

– Алконост... – Аркадий согнулся – комната тута сдавливала бытие.

– Дома меня Ася зовут, – глухо сказала девчонка. – Это тебя она позвать решила, что ли? Совсем мать обалдела, первому попавшемуся такое предлагает. Ну, раз пришёл, тихо себя веди – тут ребёнок спит. – Кинула пронзительный взгляд в угол, где стояла детская кроватка.

– Я не знал, что ты... что у тебя такое, иначе бы...

– Да кто и когда у нас знал беды своих соседей? Забудь, – фыркнула Ася. – Только Гену-дурачка весь дом знает, и то потому, что сложно его не заметить.

Аркадий кивнул. Ася продолжала, вновь уставившись на свечу:

– Может, я виновата в том, что отчим так... Скорей всего – я... за два года, что меня не было, он куда спокойнее себя... – она оборвала речь, сообразив, что не к месту откровенничает. Криво усмехнулась: – А ты сейчас обратно побежишь. В своё уютное логово. Тебе моя мать-то уже сказала, что она задумала?

Аркадий покачал головой.

– Связать она его хочет, – неразборчиво прогундосила Ася, будто, сидя с ним за праздничным столом, интимно сообщала гадость про соседа. – Привязать к кровати и в дурку позвонить. А ты как думал – белая горячка. Чёрные собаки под кроватью и прочие радости жизни. И измени, главное – измени. Как сочинит какую-то измену, предательство какое, так и не успокоится, пока не выбьет из матери волни о прощении. Я тебе объясняю всё откровенно, чтоб ты ушёл побыстрее. Тошненько, знаешь ли, от лицемерного желания помочь.

– Связать? – Аркадий обмер. – И это я должен буду сделать?

– Он спит сейчас, – сказала Ася. – Мёртвым сном. Всего и дела – руки стянуть да к кровати прикрутить. Просто если мы сами возьмёмся да разбудим нечаянно, он нам этого так не спустит.

– Так вызовите врача и психиатрическую бригаду, почему я это должен делать?

– Ну вот, я же говорила. Давай, убегай, – Ася даже не смотрела на него, уверенная, что он сейчас уйдёт.

Аркадий не находил слов, чтоб ответить.

– Иди, вали. Он сейчас проспится и пойдёт что-нибудь продавать. Из наших вещей. Ты как думаешь – почему у меня не комната, а гнездо из хлама? Запираюсь тут. Защищаю, что могу – со мной драться пока не решается.

Наконец он решился:

– Но ждать с вами психиатрической бригады я не буду. Извини.

Ася кивнула:

– Да, пожалуйста. Дальше мы сами.

Меньше всего Аркадию хотелось встречаться с участковым врачом-психиатром. Ведь, хотя его семья и переехала когда-то в другой дом, участок не поменялся...

Будто почуяв, что они договорились, Асина мать вошла в комнату без стука. В руках у неё была верёвка, почему-то ярко-зелёная. Аркадий вспомнил – такими бывают скакалки у девчонок, что занимаются в школе гимнастики по соседству. Играют во дворе с этими же учебными скакалками, накручивают обороты. Такая верёвка тяжелее, чем обычная скакалка, шлёпает по летней пыли, как бич погонщика. Аркадий попытался представить Асю гимнасткой.

– Ты ему объяснила? – прошептала мать. Аркадий встал, не давая Асе ответить, забрал верёвку. – Спасибо, парень... Вот что бы мы без тебя делали...

– Рано благодарить, давайте, ведите к нему, – почему-то тоже шёпотом сказал Аркадий.

Они втроём с некоторым шумом выбрались в короткий коридор. За другой дверью обнаружилась комната, словно в противоположность Асиной – голая, почти без вещей: только старая кровать с пружинной сеткой да табуретка. Лампочка под потолком – без абажура, на длинноющем шнуре (Аркадий едва лбом об неё не ударился).

Отчим улёгся удачно – лицом вниз, и руки не спрятал под подушку. Аркадий сообразил: скакалки не хватит, зашептал маячившим в дверях женщинам:

– Дайте ремень ещё...

Ася мгновенно исчезла и тут же появилась, в руках – белый узкий ремень. Протянула – пряжка звякнула в пустой комнате, все замерли. Пьяница во сне почамкал губами.

Аркадий взял ремень наизготовку. Как действовать – аккуратно и медленно, или наоборот – быстро, чтобы не успел опомниться? Он осторожно завёл руки спящего за спину, держал за рукава грязной рубашки, а не за кисти – не разбудить бы прикосновением к голой коже. Но едва стал обматывать, пьяница открыл глаза и пробормотал:

– А ты под кроватью сначала посмотри.

– Что под кроватью? – Аркадий решил не останавливаться, в случае чего – навалится всем телом. Оставалось немного, скоро уже можно будет застегнуть пряжку. Асин отчим мутно смотрел в сторону, лёжа на подушке левой щекой, губы мучительно сжимались, рисо-

вали окружность, зубы со свистом выталкивали воздух, и в конце концов получилось:

— Ссззз... зззз... ззззайц.

— Заяц? — бодро переспросил Аркадий, защёлкивая пряжку. — Бородавчатый?

— Л-лапчатый, — дёрнулся головой пропойца. Аркадий взял оставленную на пропыне скакалку, стал привязывать пленника уже к кровати, за край рамы.

— Ну ззззайц... лапчатый... ну погодии! — прогудел Асин отчим.

— Обошлось, слава Богу, — шептала мать Аси, уронив тампон с чаем. В другой комнате, оставленный без присмотра, проснулся и закричал ребёнок. Ася, поняв, что опасность миновала, кинулась успокаивать Вадика. Аркадий затянул последний узел, подёргал для верности: — Вызывайте, кого надо.

— Какой славный... какой ты славный мальчик... не хуже, чем Сашка... спасибо... а вы с Асей дружите, да?.. Ты к нам приходи... У нас теперь будет по-другому... — бормотала Асина мама в полуутёмном коридоре, где всё ещё воняло супом. Аркадий боялся, что она начнёт деньги совать. Боялся он теперь и Асиной благодарности. Он только сейчас понял, что натворил. Влез в дела чужой семьи и уже не сможет от неё отгородиться.

«Снова съезжать, — мрачно подумал он. — Нет, только не сейчас».

* * *

Прежде чем переехать в безликую девяностоэтажку семидесятых годов застройки, они долго жили в красной старой «сталинке» по соседству с военным городком. Аркадий с тоской вспоминал прежний дом, он любил его, несмотря на подтекающую крышу и, как позже выяснилось, предательски скользкие карнизы. А вот двор рядом с домом вызывал смешанные чувства. В густой зелёной поросли двора запуталось множество несмешных анекдотов из жизни Аркадия. Какие-то ему даже мама пересказывала, когда её ещё развлекали подобные истории.

Ну вот, например.

— Ай, ай!

Блики и тени в беспорядке рассыпались по страницам, путают крупные буквы. Он уже различает некоторые, пытается следить за маминым чтением, но, попробовав, прерывается, потому что книжка трясётся у мамы на коленях — увлеклась, вошла в роль, уже не читает, а кричит, патетически размахивает руками:

— Ай, ай! Мой мальчик, мой зайчик попал под трамвайчик... — мама заглядывает в книгу, быстро поправляется: — Ээ-минээ... попал под трамвай!

Кася отнимает палец от строчки, таращится на маму изо всех сил. С открытым от ужаса ртом он ещё больше похож на кудрявого херувимчика.

— Мой мальчик, мой зайчик попал под

трамвай! Он бежал по дорожке, и ему перерезало ножки! И теперь он больной и хромой... Кася, ты что? Кася, прекрати плакать! Ты эту сказку уже пятьдесят раз слушал!

Кася не слушает, он не только открыл рот, но и закрыл глаза, сидя на лавочке рядом с мамой, исторгает натужный басовитый рёв.

— Кася, Айболит пришил зайчику ножки! Вот, на картинку посмотри! Видишь, там всё в порядке, он скачет, зайчиха счастливая? Кася, ну что ты издеваешься над мамочкой! Ты же никогда не плакал в этом месте!

— Он наконец-то понял, — философски замечает старуха на соседней лавке.

Мама хохочет, солнце всплескивает в её рыжих волосах. Мама хватает под мышку книжку, хватает ревущего сына:

— Да что он понял! Он спать хочет, скоро два часа, вот и куксится.

— Аааа! Вааааа! Заааакха-кха-кха! — возмущённо откликается Кася.

— Иди спать... зайчик, — говорит старуха.

Старуха-то, он теперь вспомнил — это бабушка Лянки.

* * *

Конечно, в детском саду Лянку звали Леной, а то и Алёной — кому как нравилось. Но весь двор знал эту девочку как Лянку. Потому что её полная кудрявая мама, когда дело шло к обеду, облокачивалась на подоконник, слегка расплющивая свои телеса — и кричала:

— Ля-я-и-ка-а!

— Ну что ты кричишь, давай я пойду, найду её, — говорила бабушка Лянки, сидя на лавочке, и никогда не шла. Докуривала сигарету, пачкала фильтр помадой розовой. Бабушка у Лянки была ещё шире, чем мама. Кася эта семейка всегда казалась сборищем матрёшек. Будто так и появились они, выпрыгивая одна из другой без чьей-либо помощи: мама, бабушка и Лянка, маленькая худенькая Лянка, последняя матрёшка, которая уже не может разломиться и произвести новую. Мужчин в семье не было, так что сходство с полкой сувениров усиливалось.

Помимо худобы, Лянка мало отличалась от мамы и бабушки. Такая же была кудрявая и темнолицая. Когда подросла, стало понятно, что всё-таки оставил след в этой семье мужчина, который передал последней матрёшке своё странное лицо. Смугловатое лицо Лянки было как будто бы вдавленное, вогнутое — может быть, так казалось из-за выступающего подбородка и выпуклого лба. «Здравствуй, Месяц Месяцович» — могли бы дразнить Лянку, если бы она пошла в ту же школу, что и Кася. Но Кася пошёл в хорошую школу не по месту жительства, и за это удовольствие родители отстёгивали из своего кармана. А Лянка после садика отправилась в местную школу, в двух шагах от дома, типичную школу-на-окраине, и стала стремительно терять детсадовскую ду-

шистость и ухоженность. И дразнили её отнюдь не персонажами «Конька-Горбунка».

Кася не считал внешность Лянки странной. Но когда они пошли в разные школы и стали реже играть вместе, Лянка постепенно стала казаться ему всё более... неприемлемой. Что-то в ней изменилось после тринадцати лет. Чем старше она становилась, тем лучше было видно: лоб, нос и подбородок жадно блестят, лицо бессмысленное, ни тени разума, душа не покинула тело, но спряталась глубоко, съёжилась, обмелела, ушла в поры, как вода в трещины на дне пересохшего озера.

Кася, конечно, не мог так рассуждать в те времена. Просто сторонился Лянку, и всё. Рассуждать он принял ближе ко времени поступления в вуз. Тогда Кася уже почти перерос в Аркадия и был славным застенчивым мальчиком в мелкий прыщик, носил брюки, подтягивая их высоко, будто в совковые времена, да ещё и подтяжками не брезговал. В общем, насмеялись над ним. Отщепенец был, как есть, и в школе, и во дворе.

Может быть, Лянке в какой-то момент стало его жалко, потому и подставила ему подножку. Он нелепо замахал руками, готовый упасть, но только согнулся и побежал вперёд, вспахав грязь ботинками. Компания Лянки заржала, но тут же разочарованно пригасила смех: было бы куда забавнее, если бы дылда-Кася шлёпнулся в раскисшую землю. Аркадий рутнулся вполголоса, стал чистить подошвы об железку возле подъезда. Он торопился, чувствуя подвох.

— Кася-обдолбася, — посмеивалась Лянка. — Чё, как дела, Кася?

— Сама ты... — буркнул Аркадий, глянул на неё искоса, и тут его озарило. Он выпрямился, стараясь держаться с достоинством, поглядел ей в лицо — сказал: — Сама такая. Уж кто тут обдолбался, так это не я.

— А ты завидуешь, да? — с ленцой спросила она. Лоб и подбородок блестели ещё больше, чем раньше, а глаза были мутные и воспалённые.

— Чему уж тут завидовать.

— А то пошли, Кася, научу... всему, — хотнула Лянка. — Мы не жадные, поделимся. Да, парни?

— Ты тёлка, ты и телись, — заржал один из её дружков.

— Да лан, Васян, не хочешь делиться — Кася купит у тебя. Кася не бедный, у него мам-пап дизайнеры, да, Кася? Кася, ты если хочешь тоже дизайнером стать, тебе обязательно надо дунуть. Если не научишься дуть, так и будешь цветочки для обоев рисовать всю жизнь — больше ни на что воображения не хватит.

— Пойди ты, Лянка, подальше, — Аркадий постучал ботинками, стряхивая последнюю грязь.

— Парни, он меня послал, — громко возмутилась Лянка. — А я ему добра желаю, я, мож, хочу, чтоб он стал как этот... Энди Вор-

хыл...

— Спасибо, я и без допинга обойдусь, — Аркадий уже повернулся к ним спиной и отошёл от крыльца, когда его схватили за подтяжки и резко дёрнули назад. Лянка завопила:

— За ноги, за ноги! Ух, же ты, Кася, ты как колбаса, хоть верёвочками перетягивай.

— Вы обалдели? Куда вы меня прёте, наркоши! — взревел Аркадий, а его тащили по двору, гыгыкая, потом перехватили под коленками, поперёк туловища, прижали руки к телу — он был и правда как перетянутая колбаса. Портфель уронил, конечно.

— Расслабься, Кася! Мы тебе сгнить не дадим. Я те говорю, будешь как Энди Ворхыл. Только он банки суповые плющил, а ты на бутылках потренируйся.

— Откуда ты вообще знаешь про Уорхола? — пробурчала жертва.

— А ты думал, я серость? Парни, слышите? Он думает, мы все тупые и сторчимся к тридцатнику!

— Давай его уроним, на, — предложил Васян. — Вниз башкой, пусть тоже тупой станет.

Руки тут же разжались, Аркадий грянулся оземь. Гогот: всё-таки удалось вываливать чистоплюя. Он выругался, быстро вскочил, испачкав при этом и ладони.

— Приехали, Кася, садись! — Лянка похлопала по поваленному стволу дерева и сама присела. Кругом кусты, гаражи — ничего себе, как далеко затащили. Злясь, он пытался отряхнуть рубашку.

— Чё на, не слышал? — его пихнули в живот, он согнулся и плюхнулся на предложенное место.

— Давай траву, Васян, — скомандовала Лянка, глаза её заблестели ярче. — Даже зайца можно научить курить.

Он пытался вскочить, но его нетерпеливо отпихивали, а сами сгрудились перед ним, кто-то прожигал папиросой пластиковую бутылку, Васян ругался с Лянкой, которая угрожала его не жадничать. Были какие-то странные, полускрытые чужими руками манипуляции с иголкой, с фольгой из пачки сигарет, булькала вода...

— Лянка, должна будешь, — напомнил Васян. Лянка не ответила, глубоко втянула в себя дым, высасывая его из продырявленного донышка погнутой бутылки. Недолго она сидела с закрытыми глазами, а потом глянула на Аркадия и протянула ему бутылку, заткнув дырку пальцем.

— Не хочу, — беспомощно сказал Аркадий.

— Хватит канючить, Кася, как в детсаду. Когда мы такие добрые будем? Пользуйся пока.

— Лянка, чё ты ему как мамка? Ты ещё лапы ему вытири, а то бульбик замарает, — сказал Васян и руку протянул, собрался отобрать бутылку.

— Точно, Васян. На пока, — Лянка сунула

ему бульбулятор и стала расстёгивать Касину рубашку.

– Ты чеготворишь?

– Не возникай. Тебе мамочка потом всё постирает, – она и правда стащила с него рубашку – и давай руки Аркадию протирать.

– Ахаха, – сказал Васян и закашлялся.

– Не впрок тебе пошло! Отдай Касе, у него получится, я в него верю, – Лянка запустила в Васяна скомканной рубашкой. Тот кинул рубашку соседу.

– Парни, я пойду, а? – Аркадий снова попытался подняться.

– Сиди, сказали!

– Парни, чего она вами верховодит, а? Вам травы не жалко на меня? Я и сигарет-то в рот не брал, курить не умею. Рубашку отдайте! – истово уговаривая, он следил, как летает по воздуху сиреневый комок. Было зябко, плохой выдался июнь.

– Слушай, ботан, – сказал кто-то, – давай, не трать наше время, а то поршень соорудим и быстро тебя накурим.

Аркадий вспомнил, что в нагрудном кармане паспорт – ведь сегодня нужно было прийти в приёмную комиссию. Похолодел:

– Ребята, отдайте рубашку, по-хорошему. В два мне надо быть на другом конце города.

– Чем дольше ты тянешь, тем дольше ты тянешь, – зевнул Васян.

Что ж, может быть, и правда лучше подчиниться – быстрее отдалаешься.

– Где твой портфель, спрашиваю?

Он понял, что давно уже не лежит, а сидит на диване, что-то бормочет в ответ и постоянно вытягивает руки перед собой, осторожно придерживает журнальный столик, уверенный в том, что именно столешница и есть нужная точка опоры: нажмёшь посильнее – остановится, уравновесится качающаяся комната.

– Ты что, подрался? Ты пьян? Тебя обокрали? Быстро отвечай! В вузе был? – голос резал уши, а в его заторможенном мозге вопросы вызывали панику; он отпустил столешницу и замахал руками.

– Аркадий! – мама дёрнула стол в сторону, освободила пространство перед диваном. Схватила его за плечи, заставляя взглянуть в глаза. Аркадий опустил голову, почти боднул её в грудь.

– Земля в волосах, листья... – дёрнула за кудри.

– Не таскай меня за волосы, – получилось у него сказать что-то осмысленное.

– Как это – не таскай? Ты хочешь, чтоб я ласково с тобой, чтоб я, как обезьянка, мусор из твоей головы выбирала?! Где твой паспорт?

– С мусором в голове... я разберусь... сам.

– Да уж, конечно! Наказанье моё! Для подачи документов два дня осталось! Завтра за

руку поведу в приёмную комиссию. Ничего сам сделать не можешь...

Он попытался оттолкнуть её, она отскочила. Аркадий по инерции съехал с дивана на коврик. Кругом по ворсу ковра шли разводы грязи.

– Это кто тут так... бесился? – он задумчиво смотрел на чёрные полосы.

– Да по всему выходит, что ты! – издевательски сказала мать.

– Я??

– Ну не я же. – Она снова попыталась поднять его и усадить обратно. – С кем ты пил? Я к ним пойду, про портфель спрашивать.

– Я... я не пил... – он наконец поднял голову, смог посмотреть ей в лицо. – Это ты... пила опять.

– Что ты несёшь? – рявкнула мама.

– От тебя пивом пахнет. В пятый раз уже... Ты опять с этим ювелиром...

– У нас деловые отношения, ты прекрасно знаешь! – она сильно раздражилась. – Ещё не забыл, кем твоя мать работает?! Я ему эскизы приносила, отметили очередную удачу.

– Очередную удачу... Отмечали, отмечали, а потом земля разъехалась, и вы уууу! ии-ии! полетелииини! – Аркадий повалился на спину, скорчился от хохота.

– Дима! – закричала мама, возмущённо перешагнув через сына, который уже катался по ковру. – Дима, иди сюда! Полюбуйся! Ты же раньше меня домой вернулся – не мог хотя бы в комнату к нему зайти, посмотреть, что тут творится!?

– А чего бы я заходить стал? Утомился человек от бюрократии, простоял все очереди, нехай спит... – папа появился на пороге комнаты, да так и застыл.

– Смотри, смотри! Кругом земля, грязь! Портфель спёрли, документы тоже, да ещё и по головке стукнули, видать – умом повредился! – гневная тирада перешла в вопль, мама отдёрнула ногу, потому что Аркадий вцепился ей в лодыжку зубами и зарычал.

– Сын, – папа задумчиво пощипывал бороду, – а ну-ка, успокойся и ответь мне честно. Ты обкурился, что ли?

Аркадий перестал кататься по полу и лежал на боку, вытянув руки и ноги, как отдахающий пёс.

– Вот я дожил, – не дожидаясь ответа, заметил папа как бы про себя. – Жена пьянствует с кем-то, сын наркоманий начал...

– Ты прекрасно знаешь, где я была! – мама побагровела и топнула ногой – той самой, на которой Аркадий чуть было не прокусил чулок. – Я работаю только с Волховским, и успешно работаю, надо сказать! Все деньги в семью!

– Ага, ага, добытчица, – папа невозмутимо повернулся к ней спиной, хотел выйти из комнаты. Она ринулась за ним: – Нет, ты погоди!

Аркадий, тихонько поскуливая, засучил

ногами. Слушать ссору ему не хотелось, он за- жмурился, улыбаясь воспоминаниям...

Перед его глазами покачивался напульсник: тонкая рука Лянки перехвачена чёрной полоской. Рисунок на ленте – пятипалый резной лист.

– Лянка, а помнишь, как я тебя целовал?

Рука с напульсником движется: назад – с косяком в руке – ко рту – вдох – вперёд – выдох – сизый мягкий дым догоняет руку, обволакивает пальцы.

– Ой, тоже мне, вспомнил. Нам по три года было. Толстый, слюнявый мальчишка.

– Не такой уж и слюнявый. Сейчас я не слюнявый совсем.

– Но всё равно толстый. – Она поддевает пальцем рубашку, которую он опять набросил на плечи. Мятая ткань соскальзывает. Палец тянет подтяжку, отпускает, резинка туто шлёт- пает в грудь.

– Неженка. Ты как комок теста. Мужчина должен быть сухим и поджарым, а не мясом.

Он медленно, мучительно пытается разобраться с застёжками, наконец отстёгивает подтяжки. Швыряет рядом, на подлокотник дивана. Диван? Да, ведь они уже посидели за гаражами и теперь пришли к нему, и они здесь только вдвоём, Лянка отправила своих друзей прочь, сказала – не их дело, повеселились и хватит, нечего чужую квартиру засирать, Лянка сказала...

– Дай сюда их, – просит Лянка и, когда он передаёт полосатые подтяжки, наматывает их на другое запястье – получается второй напульсник, широкий, чёрно-коричневый.

– Чего одна дуешь, поделилась бы... – робко просит он.

– Уже во вкус вошёл? – хмыкает Лянка.
– Давай я тебе паровоз сделаю.

Приникает губами к его губам, горячий дым входит в его голову, курится внутри, как в стеклянном сосуде, заставляет мысли плавиться.

– Да, и правда не слюнявый, – как ни в чём не бывало, замечает она.

Он смотрит во все глаза на лицо Лянки, смуглое, в обрамлении чёрных кудрей, – лицо, которое словно становится ярче, выступает вперёд, заслоняет всё вокруг; бисеринки испаринки на лбу, алая полоска тонких губ, взгляд – дикий, тёмный, бессмысленный.

– Ещё разок?

Мысли уже не плавятся, а кипят, стремительно испаряются, обнажая самое дно сознания. Вспомнив что-то, он давится, кашляет, потом начинает смеяться.

– Чё ты?

– А помнишь... помнишь, как мы анекдоты друг другу рассказывали в детском саду...

– Да мы были маленькие и тупые, мы не умели их рассказывать, – обрывается Лянка.

– Да мы... да нам всякая хрень казалась

смешная... Я про белочку, какающую всё время, тебе рассказывал, и ты смеялась... – Аркадий согнулся от хохота, почти уткнулся ей в коленки. – А ты, а ты, а ты...

– Эй, ты щас меня слюнями обрызгал, – захохотала и она, сжала ему коленками голову.

– Ты, ты всё время рассказывала неприличные анекдоты... но ты даже толком не знала, что значит все эти слова... у тебя был один и тот же анекдот с разными вариантами... Помнишь? Про каждого мальчика в группе рассказывала; подойдёшь ко мне после тихого часа, и с такой... ой, мля... с хитроватой улыбкой рассказываешь: «Мы с Витькой трахались, а потом земля разъехалась, и мы – ууу! иии! полетели, полетели! и всё взорвалось!»

Она хохотала, продолжая крепко держать его голову ногами, а он сполз с дивана и оказался на полу, перед её стулом, тоже хохотал, елозил по ковру брюками, к которым пристала грязь...

– А на следующий день, на следующий день ты опять подходила, – задыхаясь, продолжал Аркадий, – и уже про другого: «Мы с Санькой... а потом земля разъехалась... иии!»

– Ты знаешь, Кася, – отхохотавшись, сказала Лянка, – вот я завтра пойду во двор к корешам, они спросят: «Чё, как?». А я им скажу: «Мы с Касей трахались, а потом земля разъехалась, и мы полетели – ууу! иии! и всё взорвалось». И это реально будет анекдот, Кася. Они помрут от смеха. Их в больницу всех увезут, с коликами.

Он перестал смеяться. Она всё ещё удерживала его, не давая освободиться.

– Пусти...

– Не-а, не пущу. У меня ноги сильные, – хмыкнула Лянка. Он зарычал, попытался вывернуться – не вышло, она крепко схватила его за вихры. Тогда он резко двинулся вперёд, табуретка опасно дрогнула, и...

– Придурок, сука, стой! Я стекло башкой расколочу!

Он придерживал сиденье, не давая пока упасть. За спиной у Лянки действительно был шкаф, застеклённая полка с праздничной посудой.

– Стой, идиот! – она всё-таки разжала колени, вскочила, табуретка грянулась об пол. Аркадий ткнулся лицом в чёрную пыльную юбку. Это было очень кстати.

– Эй, таких чудес я не заказывала... да перестань ты, щекотно... ахаха!

– Должна же ты хоть иногда рассказывать свежие анекдоты, – он приподнялся, схватил её за талию и кинул на диван.

* * *

С кем поведёшься – так тебе и надо. За ночь подсознание, перегруженное воспоминаниями о Лянке и злоключениями в квартире соседей, смешало все переживания в мозгу, как в миксере, и к утру выдало первосортный

кошмар.

Во сне Аркадий был привязан к дереву. Собственными подтяжками. На ярком свету они напоминали грязные георгиевские ленточки. Руки у Аркадия были подняты над головой, припугтаны к толстой ветке. Без подтяжек штаны грозили свалиться, поэтому он прижимался изо всех сил к стволу.

Ася подходила к нему всё ближе и ближе. Солнце искрами вспыхивало на рыжей ма-кушке... игриво набрасывало сеть из теней и бликов на обнажённое тело... да, ему хоть штаны оставил безжалостный сон, а вот Ася почему-то в этом сне была голой, но никак не стыдилась – знай себе шла по заросшему лугу, вспугивая полчища комаров из травы.

Шла и целилась из боевого лука.

«Если она застрелит меня, я обмякну, и штаны точно упадут», – с ужасом подумал Аркадий. Почему-то штаны уронить было страшнее, чем умереть.

Она подходила всё ближе и ближе, уж давно пора выстрелить, а она всё подходила, пока наконец наконечник стрелы не коснулся груди Аркадия. И сразу же побежала кровь, не было никакой раны, будто тело само начало выделять кровь через поры, навстречу стреле, алый ручей родился под сердцем и вьётся вниз, дважды оплёт алый ручей левую ногу, в землю ушёл под пятой...

Он рванулся вперёд, освобождая связанные руки, и глубоко вошло в него остиё, и прободело насквозь. Она уронила лук и колчан, осела на землю, опустилась на корточки у красного родника на зелёном лугу...

«Я стал землём...» – успел подумать Аркадий, просыпаясь от чириканья птиц.

Чириканье не прекратилось, когда он открыл глаза. А, так это в дверь звонят. Какого чёрта, с утра в субботу... Может, мать заявила? Нет, она не могла вернуться так быстро...

Он надел очки, приподнялся было, но пригвоздила ужасная мысль: кто ещё может ломиться в квартиру с утра, как не соседи, желающие отблагодарить за вчерашнее?

«Что я увижу там, под дверью? Пирамиды из банок с соленьями? Тонны дачной картошки? Самогонные батареи? Лучше не отпирать. Или открыть и быстро отодвинуть к другой квартире. Будет тёткам из сорок седьмой нежданное поле чудес».

Прокравшись по линолеуму, липнущему к босым пяткам, он приник к глазку.

И увидел рыжую. С большой папкой под мышкой. Ася недоверчиво глянула в глазок и потянулась опять к звонку.

«Ещё разбудит отца трезвоном», – Аркадий поспешил отодвинуть цепочку. Ася, не здороваясь, двинулась в квартиру. Кроме папки, она приволокла настольный мольберт, прислонила к подставке для обуви.

– Ну, я подумала тут... – и глядит на него так же критически, как до этого – в глазок. – Акварелью попробовать, может...

Аркадий так и вылупился на незваную гостью.

– Что? Что ты таращаешься? Ты меня сам звал сосредоточиваться в твоей квартире. И нарисовать тебя просил. Вот я и пришла.

– Как, прямо с утра?! – возопил Аркадий, позабыв об осторожности.

– Да, потому что суббота. Ты по субботам не работаешь, я надеюсь? Ну и прекрасно. Сейчас начнём – к обеду как раз освободимся...

– Вообще-то я ещё не завтракал, – буркнул Аркадий.

– Завтракай, а я похожу по квартире, посмотрю, как тут с освещением. Сзади бы... сзади и тонким лучом... волосы заиграют и полоса света на плече... – она, не смущаясь, подошла, ткнула его пальцем под ключицу. Он отшатнулся:

– Пойду оденусь.

– Зачем же, – сказала Ася, – тут как в бане, парилка.

– Да я не хочу в трусах перед тобой носиться, неуважительно...

– Мужчина! – она поморщилась. – Я тут не в качестве бабы. Передо мной можно носиться в трусах, зевать, рыгать и даже снова спать улечься. Если, конечно, тебя не смущает, что я буду наброски делать, пока ты спишь.

Чёрт, что ей тут нужно на самом деле? Может, это такой флирт неумелый?

Да уж, Кася, сразу видно, что эта девушка пришла тебя обольстить. «Эротический наряд» на ней – хоть куда: чёрный пуховик, под ним – домашняя футболка, застиранная, неопределённо-лиловая, да спортивные штаны с оттянутыми коленями. Только семок не хватает. Люди искусства, блин, богатый внутренний мир, на фиг.

– Я всё же оденусь, а в набросках ограничиться пока головой, – сказал он и попятился назад, в спальню. Напялив первые попавшиеся брюки и рубашку, пошёл на кухню – яичницу делать.

Ася нервировала. Устроилась со своей папкой на подоконнике, едва не спихнула один из многочисленных маминых цветков. Черкала и стирала. Буравила взглядом Аркадия. Размахивала карандашом, вымеряла пропорции. Предложил чаю – отказалась.

– Дай хоть посмотреть, что ты там набрасываешь, – глухо сказал он, поднося ко рту чашку.

– Тут, судя по планировке, должна быть ещё одна комната, – Ася продолжала черкать.

– Я везде в квартире свет посмотрела... Где южное окно? Куда девалось?

Он от неожиданности поперхнулся и стал кашлять, согнувшись над скатертью; Ася не сразу среагировала, но потом всё же соскочила с подоконника и крепко стукнула его кулаком по спине:

– Ещё?

Аркадий замотал головой. Выдавил через силу:

— Сса... кх-кх... соседи... то есть, кх-кх-кх... кххххозяева квартиры... я её снимаю. Хозяева квартиры... запихали в одну из комнат свой хлам, закрыли её. Даже шкафом задвинули.

— Ясно, — Асю, похоже, устроило такое объяснение, а он, перестав кашлять, сидел как на иголках. — Ты доел? Ну, всё, в спальню пошли. Кстати, ты долго терпеть можешь?

У него задёргался угол рта, появлялась непрощенная улыбка.

— Ну, ну, ну, — заметила она его выражение лица, — расслабься, всё не так ужасно. Между прочим, я не обещала, что это будет именно портрет.

— А что ещё? Пейзаж?

— Натюрморт, если я тебя придушу. Довольно вопросов. Отключи телефон и сними очки.

Она вошла в спальню и водрузила мольберт на письменный стол. Задёрнула шторы, оставив узкий просвет: утренний луч рассёк комнату надвое.

— Вон туда встань.

Он, ворча, что им помыкают как хотят, занял указанное место. Любопытство мучило с удвоенной силой: мольберт повёрнут так, что не увидеть рисунка, а без очков нельзя было даже видеть Асю. Всё кругом стало акварелью, сумасшедший шуантилист нарисовал комнату, а она задрожала, задышала. Дёргаются, качаются яркие, зовущие пятна: там, наверное, дрожит зеркальная дверца шкафа, задетая не-нароком, отражение колеблется, как под водой, как под зажмуренными веками, пятна качаются, повторяют и сменяют друг друга. Там подлетает от сквозняка занавеска, раздувается: пятно больше-меньше, больше-меньше. В центре мира сейчас — оранжевое пятно, которое неподвижно, но иногда склоняется вправо, и слышно бульканье: это Ася выглянула из-за мольберта, наклонилась к банке с водой, полощет кисточку.

Какое-то время слышно только бульканье. Потом в глубоководный мир врывается тонкий звук.

— Это домофон?

— Телефон, — Аркадий хотел рвануться на звук.

— Стой! Я ведь сказала — выключи телефон.

— Это городской. Я совсем забыл про него.

— Ничего, потом перезвонят. У тебя есть автоответчик?

— Но ведь могут с работы... а, чёрт с ним, — он сдался и опять замер. Назойливые трели смолкли, и после сигнала — «пожалуйста-оставьте-своё-сообщение», когда нормальные люди уже вешают трубку на «сообщение...», послышался голос:

— Ну ладно. Давай поиграем в плохой сериал, лежи и слушай автоответчик. Я же знаю, что ты дома в субботу утром, засоня. Опять

привёл кого-то, конечно, конечно. Вот ты сейчас лежишь сонный и злой, разбуженный звонком, а она у тебя под боком гадает: кто звонит, наглость какая, и десяти утра нет? — Голос покашлял, продолжил иронически: — Ну что же ты, так и не встанешь? Учи: у тебя не будет возможности увидеть меня ещё, по крайней мере, три недели. Да, не две, как раньше говорила, а три. Тут новый контракт назревает. Мы с Юрием Петровичем уже и сами не рады, из бумаг не вылезаем. Что делать — деньги-то нужны. Но ты ведь справишься, да? Ты у меня умница. Не забудь, что тебе придётся самому везти от...

Пока она говорила, Аркадий уже сорвался с места, бегом к столу и на ощупь нашёл трубку, схватил, и роковое слово разорвалось:

— ...да в клинику. Просили показываться раз в год, ты же не забыл? Как он там?

— Нормально, — еле дыша от бешенства, произнёс Аркадий.

— Значит, никаких осложнений не должно быть, — сказала мать. — Собери все документы, последнее назначение... Таблетки он пьёт?

— Да.

— Ну и прекрасно, — повторила мать. — Ну и прекрасно. Я думаю, это будет просто формальность — раз нет ухудшения, то его не должны забрать на стационар. Если что, уговоривай. Ты же не хочешь, чтоб его залечили вконец?

— Нет, не хочу, — он искал слова, чтобы избежать прямого упоминания при Асе, и с языка срывалось нелепое: — Будь спокойна, я вполне осознаю... ответственность.

— Ещё бы, — показалось или в её голосе снова промелькнула ирония? — Ну, пока, сынок. Верю в тебя и в твою порядочность. Му, дорогой.

Он швырнул трубку. Стоял неподвижно, сжимая кулаки. Голова гудела, вены на висках вздулись.

— У тебя лицо красное, как кирпич, — нарушила молчание Ася.

— Что, палитру придётся менять? — съехидничал он.

— Зачем же, — неуверенно сказала она.

— Правда? А ну-ка, дай взглянуть, — он нашёл очки на столе, — всё равно процесс прерван, так что...

— Полработы не показывают, — Ася попятилась от него, утягивая мольберт за собой.

— Да ладно, что ты там прячешь? — он легко поймал её за перепачканную руку, но скользкие акварельные пальцы выскользнули. Аркадий перегнулся через стол, пытаясь цапнуть Асю за подол майки, затевая дурацкую игру, чтобы отвлечься от подлых мыслей. Она отскочила, Аркадий продолжал тянуться, стол поехал под его тяжестью, телефон задребезжал, свалился на пол.

— Перестань! У тебя такой вид, будто сейчас удар хватит. Кто тебе звонил? — она уже почти кричала, вцепившись в дверную ручку,

готовая выскочить в коридор.

— Это мать, — сказал Аркадий, отталкивая стол.

— Ты её... не очень любишь?

— Ненавижу. — Он наконец настиг её, упёрся руками в дверь, заключив Ася в клетку, мешая выбраться. — Ты должна знать... Я очень плохой человек.

Они смотрели друг другу в глаза — у Аси зрачки в точку, пронзительные, глаза холодные, голубые. Смотрит она ему этими рыбами-глазами в душу и видит — наверняка видит! — ту мысль, от которой голова гудит как колокол, как пустая башня, внутри которой человек сбегает вниз по винтовой лестнице, машет руками, кричит что-то грязное и высокое, а эхо повторяет, повторяет, повторяет.

— Очень плохой человек? — откликнулась наконец Ася, как то самое эхо. — А зачем ты мне это говоришь?

— Чтобы ты знала, кто я.

— А зачем мне знать, что ты плохой человек? Я не даю индульгенций.

От этого холодного взгляда жар в голове несколько унялся, он смог спросить почти спокойно:

— Что ты имеешь в виду?

— Если ты хочешь со мной общаться, если ты просил, чтобы я тебя рисовала, звал к себе, помогал — зачем ты говоришь, что ты плохой человек? — Ася медленно опускалась, стараясь выскользнуть из-под руки. — Если ты говоришь, что ты плохой человек, значит, я должна знать — под всем этим хорошим прячется плохое, и значит, хорошее — не настоящее. Значит, ты обманываешь меня. Но если обманываешь — зачем признаваться? Чтобы я тебя простила?

— Софистика! — он ударил ладонью в косяк, чтобы напугать, чтобы она ускользнуть не перестала.

— Я не священник и не отпускаю грехи, — Ася уже сидела на полу, смотря на него исподлобья, из-под медной растрёпанной чёлки. — Тем более — не прощаю за то, чего не знаю.

Он растерянно навис над ней, потом увидел, что она отвлеклась от мольберта, который раскорякой стоял на полу. И схватил его.

— Что это?

После того, как она стала прятать незаконченную работу, он ждал какой угодно мазни. Экспрессионизма, кубизма. Или там оказалась бы рафаэлевская голова, в которой взорвалась рафаэлевская голова. Но он увидел своё лицо — смутно проступающее, вылепленное волнами краски — охристой, красной, коричневой, — и вокруг поля и холмы, рыжие, бесснежные, и странные пятна на траве и на небе. Красное, сосущее пятно, кружок в центре — темнее, а вниз по листу стремится потёк, кое-где подхвачен торопливой кисточкой, высущен, только бледный цвет остался, а кое-где — алый, бесстыдный, мокрый.

Как будто она уже давно нарисовала и

лицо, и холмы, а потом просто стояла и тыкала кисточкой в мольберт. Обмакнёт в кровавую краску, ткнёт и стоит, ждёт, пока стекает вниз ручеек.

— Ты сумасшедшая, — сказал Аркадий. Его пробрала дрожь. — Ты сошла с ума.

— Я просто придумала тебя по-другому, — сказали ему холодные рыбы.

И чтобы то, что она сказала, сбылось, чтобы на самом деле стать на какой-то момент придуманным по-другому, чтобы выскочить из этой пошлости и мерзости и даже из собственной головы, гудящей от запретных мыслей, он дёрнулся на себя мольберт, в который она вцепилась, поднял её на ноги и стал целовать. Она удивлённо пыталась увернуться:

— Ты что, ты что?

— Мне нужно уехать, — выдохнул он, отстраняясь. Мольберт, зажатый между ними, упал, на рубашке у Аркадия остались акварельные пятна. — Я должен уехать через две недели. Поедешь со мной? На игру.

— А квартира? — спросила почему-то Ася, и булавочные точки зрачков медленно расширились.

— А квартиру запрём.

* * *

До запертой двери оставалось совсем немного.

Отлежавшись, Аркадий высунул нос во двор. Очень не хотелось опять встречаться с торчками, но у них наверняка портфель и паспорт. На портфель плевать, хотя мать и пилила за потерю: новый, кожаный, дорогой, специально куплен к поступлению в вуз. А вот паспорт надо было вернуть: совсем не улыбалось платить два косаря за восстановление, к тому же бюрократические проволочки помешали бы подать документы в приёмную комиссию.

Аркадий вышел во двор и почти сразу увидел Васяна: тот сидел под деревом на пеньке, который дворовое благоустройство превратило в стул, приколотив спинку. Аркадию, честно говоря, такое устройство пня больше напоминало унитаз. Только Аркадий увидел Васяна на «унитазе», как в голове закружились навязчивые: «Торчок сидит на толчке... торчок на толчке... торчке... толчке...». Аркадий никак не мог выкинуть из головы дурацкие рифмы и, подходя к Васяну, уже улыбался во весь рот.

— Чё лыбишься? Ещё не отпустило? — заметил его Васян.

— Паспорт мой видал? — спросил Аркадий.

— Видал. Ты сейчас очень на фотку свою похож, — заржал Васян, — весь зелёный и криевой.

— Мужик, паспорт отдаёй, — сказал Аркадий. Сейчас, при свете дня и в трезвом уме, он чувствовал себя значительно увереннее и сильнее щуплого Васяна, который, к тому же, был без дружков.

— Ты мне должен за шишки, не забыл? — ответил Васян, не испугавшись никаколько. — Заплатишь — отдашь. Это вроде как залог. Не заплатишь — мало того, что восстанавливать придётся, так ещё и...

— Что? Придёшь с бандюганами и выколотишь из меня долг? — усмехнулся Аркадий.

— А ты смеялся, смеялся, — сощурился Васян, — как бы ни закашлял потом. Кровью.

— Васян! — раздался крик. Аркадий увидел Лянку: она высунулась из окна на первом этаже, легла на подоконник, как её мамаша делала; только Лянка была плоской, как доска, и у неё ничего об подоконник не расплющивалось. Пёструю просторную кофту Лянки сразу стал трепать ветерок.

— Чего тебе? — недовольно отозвался Васян.

— Ты мне обещал что-то, не помнишь? — Лянка сощурилась и наклонилась ещё ниже, опустила руку в цветастом рукаве на карниз. — Иди сюда.

И Аркадий увидел, как Васян, сутулясь, нехотя приподнимается, отрывая зад от насиженного местечка, шлёпает по пыльному двору сланцами, потемневшими от грязи, — Аркадий бездумно смотрел на его ноги, как они удаляются и как в пыли остаются ребристые отпечатки сланцев — как следы космонавта на Луне. Потом Аркадий спохватился — Лянка, что ж это она не окликнула его самого? Даже не махнула рукой?

Васян не подошёл к окну, как ожидал Аркадий, а повернулся к подъездной двери и скрылся. Лянка захлопнула окно. И задёрнула шторы. Наступила странная, душная тишина.

Аркадий теперь сам опустился на толчок-пенёк и ожидал, как кошка возле норы.

Очень скоро дверь хлопнула, Васян вышел и, словно забыв про долг и про угрозы, зашаркал прочь, поднимая фонтанчики серой пыли. И сам он казался издалека серым и плоским, вроде старой картонной вывески в полдень.

Аркадий рванул к дому Лянки. Дотянулся до окна, нервно застучал в дребезжащее стекло. Шторы колыхнулись, высунулась рука с напульсником, показала фак в пространство.

— Вот как? Тогда я тоже зайду, — разозлился Аркадий. Оттянул на себя тяжёлую дверь — обычно подъезд закрывался на ключ, но сейчас на створке белела могущественная надпись: «Ждём врача».

Позвонил в квартиру, Лянка открыла почти сразу же:

— Это ты? Я думала, Васька опять вернулся. А я к тебе собиралась как раз. Смотри, что у меня есть, — и помахала тонкой книжкой в бордовой обложке.

Аркадий поспешил выхватил паспорт. Уставился на Лянку, она растерянно хихикнула. Вдруг вскипело бешенство, захотелось ударить её, но теснота прихожей не позволяла как следует размахнуться, он притворился, что хо-

чет спину почесать. Спросил зло:

— Ты что его — загипнотизировала?

— Зачем? — усмехнулась Лянка. — Какая разница, кто ему деньги отдаст? Лучше быть в долгах у меня, чем у Васяна. Он много не приятностей людям приносит.

— Так ты ему заплатила за паспорт?!

— Конечно. Вытянула из бабкиных, которые она «на чёрный день» копит. Да она не заметит, «чёрный день» у неё лет через двадцать настанет.

— А я подумал, честно говоря... Можно зайти? — скомкал фразу Аркадий.

— Входи, дома никого, — Лянка посторонилась, вжавшись в пальто и куртки на вешалке. Аркадий проскользнул мимо, быстро стянул ботинки.

Он бывал здесь несколько раз, но очень давно, ещё в детсадовские времена. Немногое изменилось: те же обои в цветочек, только сильней отклеились и покоробились в углу, над кроватью. То же старое пианино, видно, что к инструменту много лет не прикасаются — на крышке кружевная салфетка, расставлены безделушки. (А ведь когда-то Лянку пытались учить музыке...) Тот же ковёр с тёмными узорами, которые под вечер превращались в невиданных зверей, правда, потёртых и изъеденных молью — можно было целый вечер провести, ползая по ковру и играя в придуманные страны.

Лянка уселась на этот старый ковёр, возле журнального столика, ноги босые поджала. Сидит и смотрит. Почему так хотелось её ударить? Её, в бабкиной кофте, нечёсаную, такую же серую и пыльную, как дворовая компания, как этот Васян со щербатыми зубами... Ну и пусть бы она отдавала долг не деньгами, пусть бы она... с Васяном этим... да хоть с чёром лысым, и так понятно, что она по рукам ходит. Или скоро пойдёт. Оступится, потеряет авторитет однажды — и покатится под уклон... Ему какое дело?

Лянка продолжала смотреть на него снизу вверх с лёгкой улыбкой. Аркадий, неловко топчась по ковру в носках, спросил:

— Тебе когда деньги отдать? А то мне сложно сейчас...

— Да терпит, — ответила Лянка, не сгоняя с лица улыбки. Её чёрная голова на свету блестела ярко, как полировка пианино, и на лицо падал из окна от свет, сглаживал неправильные черты.

Аркадий чувствовал, что его одновременно и тянет к ней — и отталкивает. Поколебавшись, он опустился на ковёр, присел рядом:

— А я стихотворение сочинил.

— По накурке? — Лянка покатилась со смеху.

— Наверное. Раньше никогда стихов не писал.

— И про чё ты написал?

— Про Васяна. — Лянка прыснула, Аркадий одёрнул её нарочито-серъёзно: — Нет, ты

послушай, послушай, может быть, это великое произведение! На толчке сидит то...

— Подожди, я устроюсь поудобнее, — Лянка сняла с журнального стола газету и, приняв томный вид, стала обмахиваться ею, как веером. — Давай, читай.

Аркадий мечтательно воздел руки к лучу света, косо падающему из окна, и с выражением прочёл:

*На толчке сидит торчок
И бодяжит табачок.
А на носе у торчка
Два очка.
Солнце светится в очках,
Дурь туманится в мозгах,
Уронил одно очко
Он в очко.
Вот задача у торчка:
Как достать очка с толчка?
Нет крючка и нет сачка.
Сунул руку он туда,
Сунул ногу он туда,
Сам он влез как есть туда —
Вдруг смыывается вода,
Проглотил его толчок,
И молчок!*

— Ну, ты Маршак! — едва ли не завизжала Лянка и хлопнула его по плечу. — Ехал Грека через реку!..

— Да это так, пустяки. Сущая безделица, барышня, — заскромничал Аркадий. Он не совсем понял, иронизирует Лянка над его грамматией или правда приняла это за «литературный шедевр», сродни дворовым стишкам.

— Слушай, а может в тебе талант открывается?

— Может быть. Вы же хотели меня накурить, чтобы я стал, как Энди Уорхол? Ну, видно, рисовательских способностей у меня нет, а вот писательские...

— Только ведь у Васяна очков нет, это ты скорее про себя написал, — вдруг задумалась Лянка, схватившись за подбородок.

— Художественное допущение, — поправил очки Аркадий.

Лянка напряжённо размышляла, продолжая поглаживать подбородок.

— Ходи ко мне, Кася, — сказала она в конце концов. — Пока мамки и бабки дома нет, будем тут. У меня запасы неплохие, будешь дуть и сочинять, дуть и сочинять.

— Чего сочинять-то?

— Ну, не про Васяна, конечно. Поэму будешь сочинять. А что ты смеёшься? Про меня напишешь. Я хочу остататься в истории...

* * *

Это случилось несколько недель спустя.

Солнечный колодец подъезда отзывался эхом, дробившимся многократно. Шаги заплелись, голова была пьяна и больна, но счастлива, он не шёл, а почти подтягивался на руках, держась за перила и за стенку, пачкавшую

свежей голубой краской, влажил своё тело к родной квартире. Влезать в лифт не рисковал — однажды уже прокатался, из-за муты в голове не попадая по кнопкам, блуждая по соседним этажам.

Наверняка сейчас дома только отец. Сидит в зале и смотрит телевизор. Даже встречать не выходит. Депрессирует — заказов на мебель давно нет, да и с мамой у них, похоже, сильная размолвка. Но Кася в этой размолвке никакой роли не играет, играет роль только Волховский — «рабочие отношения» у мамы теперь отнимают едва ли не двадцать четыре часа в сутки. Всё реже можно застать её дома вечером, иногда возвращается далеко за полночь. Ужин если и делает, то заранее, с утра. Иногда до смешного доходит: купит что-то для быстрого приготовления, лапшу, например, и оставляет в комнате Аркадия, возле компьютера. Дескать, у нас самообслуживание. Зато и контроль совсем ослаб. Раньше бы она враз вычислила, что Аркадий вовсе не «в библиотеку» ходит. К экзаменам готовится, книжки читает, как же: она бы сразу поняла, что это за «книжки»...

Можно потихоньку просочиться в свою комнату, съесть лапшу или что там у неё, а то голод подступает после курева, потом поспать немножко... Аркадий старался действовать как можно осторожнее, но всё же гремел ключами слишком громко, пытаясь попасть в замочную скважину, царапая дверь.

Наконец он проник в прихожую. Свет не зажигал: достаточно было того пыльного солнечного клочка, что выстелил коридор от кухни. В зале и впрямь работал на полную громкость ящик: сквозь стеклянную дверь Аркадий разглядел сгорбленную фигуру отца. Сидит на диване, впялился в телек, ничего кругом не замечает. Что там такое идёт, чемпионат Европы? Аркадий никогда не любил футбол. Усмехнувшись, он завернулся в свою комнату.

Еды на столе перед компьютером не было. Ни вчерашней курицы, ни роллтона, ни даже пачки печенья.

Аркадий расстроился. Неприятное сосущее чувство в животе не давало покоя, а идти на кухню и хлопать холодильником он опасался: вдруг папа услышит и всё же выйдет к нему. Аркадий, конечно, немного выпил для отвода глаз — просто чтоб пахло; но всё-таки отец может раскусить.

Тут его осенило: мама забыла оставить еду для сына, но мужу-то наверняка оставила? Ну, забегалась, бывает, отнесла только в мастерскую. Мама знает — они оба любят, чтобы всё было под рукой. То, что родители в немирие, на домашние обычай пока не повлияло.

Аркадий сноваглянулся в коридор. Пусто в солнечной пыли, отец, похоже, не заметил его присутствия. Можно смело идти.

Но и в мастерской ничего не нашлось, хоть он отчаянно рылся, ища заначку под чертежами, рассыпанными на столе, и даже в

ящик для инструментов заглянул. «Что же мне, стружки жевать?» – сердито подумал Аркадий, подёргал балконную дверь – а не выйти ли туда, там, кажется, стоят банки с лечо.

– Ты что тут роешься? – услышал он сзади и застыл.

– Я... хотел на балкон выйти, – только бы отец не подошёл ближе! – Папа, а ты не знаешь... мама ужин делала сегодня?

Отец помолчал, потом ответил тихо:

– Мама ушла.

– Я знаю, что ушла, она поздно вернётся, – сердито перебил Аркадий.

– Ты не понял. Мама совсем ушла. Навсегда.

– К этому своему... – голос неожиданно сорвался на фальцет. Аркадий не услышал ответа: отец просто повернулся и вышел. Что-то сухо стукнуло, провернулось за дверью. Аркадий не придал сначала этому значения.

– Нет, ну нельзя это так оставлять! – закричал он и сам удивился, каким высоким стал голос. – Как это – взяла и ушла! Ты хоть пытался с ней поговорить?!

– Она не отвечает на звонки. Прислала смс, что уходит навсегда, – нехотя отозвался отец. «Наверное, торопится обратно за свой футбол», – зло подумал Аркадий.

– Я сам её догоню! Сам поговорю с ней! Где этот дурацкий Волховский живёт? – он пытался повернуть ручку, но безуспешно. – Тебе всегда было наплевать! Тебе всегда было наплевать на неё, ты только подтрунивал над ней, потому она и ушла! – голос уже звучал фальцетом, горло сдавило.

– Не ори, – сказал отец.

– И буду орать! Потому, что это правда! Зачем ты запер щеколду? – Аркадий наконец сообразил, почему замок не поддаётся. – Выпусти меня сейчас же!

– Ты проспесь сначала, – хмыкнул отец, – мне не хочется больше смотреть, как ты пытаешься выйти на балкон и при этом ломишься в кладовку.

– Млять... Сука... – Аркадий опустился на пол и залился бессильным смехом.

Пару минут назад ему казалось, что туман в голове почти совсем развеялся, но сейчас комната снова стала кривиться, окно, налившееся светом, вспучилось, как яблоко. Аркадий подумал, что, если окно взбухнет ещё больше, то в комнате останется очень мало места. Забарабанил кулаком по двери:

– Папа! Пусти! Зачем ты от меня заперся? – мысль, что это отец заперся, а не запер его, показалась смешной, Аркадий решил её развить: – Па-а! Вы-хо-ди! Вынеси мне попить! Мы с друзьями ещё тут погулять хотим... пешком под диван! А потом пойдём в соседний двор! Я хотел сказать, в кладовку!

Никто не откликнулся. Аркадий вспомнил, что его как-то давно, в детстве, запирали в мастерской за провинность, и ему удалось выйти. Просто разболтал щеколду, дёргая

дверь. Секрет был в том, чтобы тянуть створку вбок, в сторону дверных петель. Шатать туда-сюда, по инерции задвижка медленно выполняла из пазов.

Но только он принялся за дело, как из коридора вновь послышался голос отца:

– Даже не надейся. Я сижу спиной к двери, ты отсюда не выйдешь, пока я не захочу.

– И телевизор перетащил, что ли? – ехидно спросил Аркадий.

– И телевизор. Если потребуется, и холдильник подтащу, забаррикадирую тебя. Отсыпайся. Не хочется спать – в интернете посиди. Поготовься. Экзамены через три дня.

Аркадий отошёл от двери и рухнул на диван. Стал смотреть на окно, на давящий, пульсирующий свет. Поднял руку неуверенно, пытаясь заслониться от этого наглого света, стал делать движения пальцами, как ножницами, будто хотел отстричь лишний кусок. Потом, повернувшись лицом к стене, стал играть в теневой театр. Он умел делать только зайца, и теперь по обоям двигалась тёмная заячья голова на длинношее. Тень изгибалась и переходила со стены на спинку дивана, мелкие ворсинки обивки были очень отчётливо видны, похожи на короткую травку.

– Луг... лужок... заинька по лужку... – за бормотал Аркадий. – Прыг-скок... Вспашем мы с тобой лужок... Нет, не так.

Он почувствовал, что сейчас к нему опять придёт стихотворение. Две недели подряд он писал с подсказками Лянки поэму под названием «Полетели», но мелкие стихотворения появлялись время от времени сами – как брызги от этого большого и грандиозного «Полетели».

– Луг мелкотравчатель... Луг мелкотравчатель... – продолжал бормотать Аркадий. Опять вскочил, шатаясь, нашёл карандаш и прямо поперёк отцовского чертежа принялся записывать.

Телевизор продолжал работать, поэтому, должно быть, отец не сразу услышал, что Аркадий скакет по комнате и орёт какой-то бред.

– Мелкотравчатель-ы-ы-й! Бородавчатель-ы-ы-й! Мокротравчатель-ы-ы-й!

– Тихо там! – гаркнул отец и ещё прибавил громкости у ящика – так, что это стало почти невыносимым для ушей.

Аркадий прыгал и прыгал, тяжело ударяя пятками в пол, пока перед ним внезапно не возникла балконная дверь. Да, это уж точно был балкон, а не кладовка.

Он вырвался наружу, в гудящее вечернее солнце, растопырил руки и торжественно закричал, глядя в зелёную яму двора:

– Луг мелкотравчатель

Перепахан плугом!

Заяц бородавчатель

Прыгает по лугу!

Корчится и мается,

НО НЕ ПРОСЫПАЕТСЯ!

Заподозрив неладное, отец вбежал в

комнату. Пленник уже перелезал через перила.

— Куда?!

Аркадий мелкими шажками шёл по карнизу, опоясывающему этаж. Его целью была водосточная труба, до неё — пройти мимо нескольких квартир, каких-то шесть-семь окон пропустить.

— Стой! — отец попытался схватить его за рубашку, но не достал — уже было слишком далеко. Аркадий, улыбаясь, повернулся к нему лицом:

— Понимаешь, он не проснётся.

— Кто?

— Заяц. Перерезало.

В этот момент он ступил на участок, обильно помеченный голубями. Нога в носке скользнула по карнизу.

Он сорвался мгновенно, не успев даже мазнуть пальцами по стене, с криком упал в палисадник. Страшно хрустнула и обломилась ветка клёна.

— А он, когда бредил, ещё и плевался в меня, представляешь?

— Да что ты!

— Ага. Вот так голову повернёт — и тьфу!

— Как ты всё это терпишь, не понимаю. Я бы уже давно домой удрала.

Веки с трудом разошлись, открыв мир, состоящий из разноцветных движущихся пятен. Пятна никак не хотели складываться в правильную мозаику, бытие распадалось.

— Очки... — пробормотал Аркадий. Потянул руку машинально — дома слева от кровати стояла тумбочка, но вместо неё под руку попалась какая-то штора. Аркадий дёрнул ткань: рядом взвизгнули, вырвали штору из рук.

— Он нападает! Готовь костыль! — с беспокойством проговорил высокий голос.

— Да ладно тебе! Он просто от наркоза отходит, это нормально... какого только бреда не услышишь в больнице! Я вообще медсестрёй пугал, — хохотнул другой голос, пониже. — Когда сестричка за руку брала, чтобы успокоить, мне казалось, что светлый потолок — это конец тоннеля, понимаешь, будто комната — это тоннель, по которому идём, и я бормотал: «Куда вы меня ведёте? Куда вы меня ведёте?»

— Галюны, да-а-а... — протянул высокий голос. — Опасная штука наркоз. Можно и не проснуться.

— Бывали случаи...

— Где мои очки?

— Гляди, ожил, — удивился голос пониже. — Ну-ка, дай очки ему. Сунь в руку. Слышишь, друг, они тебе вряд ли помогут. Одно стекло треснуло, другое — выпало.

Аркадий почувствовал, что ему в руку тычется холодное, металлическое, схватил очки и расправил дужки. Голова была слабая, трудно даже от подушки оторвать, но ему всё

же удалось нацепить очки на нос. Лучше и правда не стало: предметы по-прежнему выглядели размыто, он сообразил, что рядом другая кровать, на ней лежит мужчина, а рядом на низкой спинке кровати пристроилась девушка в длинной юбке. Судя по всему, эту-то юбку Аркадий и схватил соследу.

— Ну что, лучше видно? — спросил мужчина.

— Ненамного.

— После сотряса часто зрение падает. Не надо глаза напрягать, а то хуже может стать. Там Лин, возьми у него очки.

Девушка спрыгнула со своего насила, быстро протянула руку — лицо её было по-прежнему размыто для Аркадия, а вот руку он разглядел, крепкую, с обстриженными под корень ногтями — она схватила очки, и мир снова стал акварельной мозаикой.

— У меня много сотрясов было, — хвастливо сказал сосед, — но в больничку только в этот раз попал. Если бы не нога проклятая, и сейчас бы по лесам бегал.

— А что с твоей ногой? — слабым голосом спросил Аркадий.

— Закрытый перелом. Неудачно в овраг скатился — отбивался от гвардейцев.

— Гва... кого?

— Ну, мы мастерили по Дюма. Полевая была. Ох, и намучился, пока скорая до нас добралась!

Аркадий поморгал, издал неопределённый звук.

— Перестань, бедняга сейчас от твоих рассказов ещё и крышей поедет, — засмеялась девушка.

— Не поеду. Просто нет сил пока разбираться, — выдавил Аркадий, почувствовав дурноту. — Как тебя зовут?

— Ты мне? — уточнил парень со сломанной ногой. — Меня зовут Энгус. А её — Там Лин, если не расслышал.

— А... га... Энгус... понятно... А ты не знаешь... что со мной?

— Медсёстры говорили, тебя всего перекрутило и переломало. Что-то там с позвоночником, рёбра с одной стороны... селезёнка не в порядке... Да ты сам спроси у врачей, или вот у отца, когда появится. Это же твой отец, да? Высокий, со светлой бородой. Он каждый день тут сидит в приёмные часы. Только с нами не разговаривает.

— Каждый день? Так сколько ж я здесь лежу?

— Дня два уже. Ты почти всё время спал, приходил в себя — но ненадолго, не помнишь, наверное. А сегодня утром тебя на операцию везли, ты от наркоза долго оттаивал.

— Кто-нибудь ещё... заглядывал? — выдавил Аркадий. Тошнота крепко сдавила горло; даже если он прикрывал глаза, всё равно чувствовал себя словно на тренажёре для космонавтов: неумолимое вращение мира не останавливалось.

– Нет, никого.

– Это хорошо... – Аркадий стиснул зубы, крепился.

– Может, ещё появится, – добродушно заметил сосед. – Пока ты слабый, старались не беспокоить. Это вот меня можно беспокоить, – он стукнул пяткой по спинке кровати, – и вообще всякие безобразия творить, я на одной ножке скачу, меня скоро выпишут, да, Там Лин?

– Погоди, ещё гипс должны снять, – сухово сказала девушка, – может, не срослось нифига.

– Меня и в гипсе выпишут, потом просто приду снять эту бандуру, – с хитрецой в голосе упорствовал Энгус.

– Я тебя загипсованного не возьму на Грецию, не надейся.

– А с костылями знаешь, как удобно кентавра отыгрывать! Не понимаешь, от чего отказываешься...

Хлопнула дверь, прервав бредовую речь Энгуса. Аркадий повернул голову, не сразу понял, кто явился. Просто добавилась парочка клякс в его акварельной стране.

– Сыночек... Пришёл в себя, наконец, как же я рада... Что ж ты такой сумасшедший у меня...

Бледное пятно в оранжевом ореоле склонилось над ним, тёплые руки легли на щёки.

– Где же это видано – жилы тянуть из себя, чтобы только другого человека привязать покрепче... Что же вы делаете со мной, что же вы делаете...

– А что мы делаем? – глухо сказал Аркадий, потому что его схватили за голову и прижали к груди. И покачивали, как грудного.

– Что делаете? Ты с балкона прыгаешь. А твой отец молчит.

– В смысле – молчит, о чём молчит?

– Обо всём. Позвонил мне позавчера и сказал, что ты прыгнул, с тех пор и замолчал. – Слышино было – ей к горлу подступают слёзы. – Каждый день к тебе ходит. В регистратуре под нос им – записку и паспорт, они уже думают, что немой, пускают.

– Мама, не качай меня... – прогудел Аркадий, неловко упираясь носом ей в грудь. – Мама, не качай... Голова кружится...

Она выпустила его, он упал на подушку, снова попытался нашарить очки. И снова сунули их ему в руку.

Как только Аркадий увидел отца, стоявшего рядом с мамой, чуть позади. И как только Аркадий увидел его – хоть и не мог ясно различить, но почувствовал, что нет лица, нет лица на нём, и не так, как говорят о тех, кто испытал сильное потрясение – а так же, как у Лянки, даже хуже, душа вся ушла в поры и растрескалась оболочка, пустотелой куколкой покачивался отец рядом с матерью – беспомощной, постаревшей.

– Врачи сказали, что может помочь смена обстановки... – мямлила мама, крутя в руках сумку. – Как только ты выздоровеешь... мы

переедем...

Аркадий закрыл глаза. Тёмный ужас настиг его и парил над ним, заполняя комнату, как аэростат под потолком. Мама ещё говорила что-то, в то время как к выходу потянулись осторожные шаги – это посетительница Энгуса решила деликатно удалиться. Кровать медленно дрейфовала в головокружении. Он почти уснул, но вдруг резко открыл глаза и обнаружил, что рядом вместо его матери теперь маячат мама и бабушка Лянки, а с ними и сама Лянка. Зрение неожиданно вернулось, он видел их лица с преувеличенней резкостью – пот на лице толстухи, угри Лянки, бабкины старческие родинки. Лянка скромно потупилась. На ней было какое-то приличное платье в горошек, на её родственниках – больничные балахоны.

– Доча сказала нам... – вздохнула необыкненная мама-матрёшка. – Что уж, поженитесь тогда, раз такая любовь, что из окон прыгаете.

– Да они едва школу закончили, – басовито возразила бабушка и поджала морщинистые ярко-розовые губы.

– Ничего, вон ты меня в шестнадцать родила.

– Ну, с детьми-то пока повременим, – не к месту влезла Лянка.

– Откуда вы... с чего вы взяли, что из-за неё? – прошептал Аркадий.

– Родители же запирали тебя, – подняла на него глаза Лянка. – Потому что решили, что мы не пара. А ты убежал.

И вдруг Аркадий понял ужасную вещь: и мама, и бабушка догадываются об отщепенстве дочери, но надеются, что «хороший мальчик» поможет собственным примером и ревнивым контролем. Они безо всяких сомнений принесут его свободу и жизнь в жертву, только чтобы дочка одумалась.

Но ведь ему никогда не нужно было, чтобы Лянка «одумывалась».

– Я не из-за тебя убежал, – чётко и ясно проговорил Аркадий. Три женщины нависали над ним консилиумом. – Я упал потому, что хотел упасть. Я хотел упасть! Я хотел! хотел!

И страшный свист в ушах дал знать Аркадию, что он ещё не упал, что он всё ещё падает.

– Я хотел! Я хотел! Слышите, я хотел! А-а-а! – он рывком поднял руки, пытаясь схватиться за ускользающий потолок.

– Мужик, тихо, – сказал Энгус. – Я пытаюсь поспать.

– А? Что? – внезапно обступившая тьма была похожа на слепоту.

– Уже ночь. Твои ушли давно. Кошмар приснился?

– Я всё ещё падаю.

Сосед завозился у себя на кровати, сел – смутиная тень вырисовалась на фоне задёрнутых штор.

– Не бойся прошлого, тогда не будешь бояться будущего.

– Я не боюсь, вот только сны...

– Попробуй пока не спать. Хочешь, по-

читаю тебе?

Аркадий вздохнул:

– Давай, если не трудно. Всё равно я зрение не могу напрягать пока. А что у тебя из книжек? Я понял, что ты ролевик – фэнтези какое-нибудь есть?

Сосед заскрипел кроватью. Поднялся, шатнулся к стене, ткнул выключатель правым костылём.

– Я к игре готовился, – сказал Энгус, – поэтому у меня тут в основном мифы народов мира. Ещё античные трагики.

– С таким набором я куда быстрее усну, – Аркадий усмехнулся, – да и кошмары похлеще могут привидеться. Слушай, а эти трое давно ушли?

– Трое? – Энгус задумчиво листал коричневую книжку с истрёпаным переплётом.

– Ты хотел сказать, двое. Твои родители.

– Нет, те, кто после них пришёл. Три женщины. Матрёшки...

– О чём ты? – сосед удивлённо покачал головой. – Здесь больше никого не было...

* * *

Ася долго не показывалась на глаза после этой нелепой истории с картиной и поцелуем. Аркадий готов уже был махнуть на всё рукой, кляя себя за то, что поддался минутному порыву и теперь приходится тянуть резину, в то время как уже надо выкупать билеты, чуть ли не каждый день встречаясь с командой – почти все, кто ехал на игру из родного города, входили в «масонскую ложу», и обязательно нужно знать их в лицо, досконально изучить легенды, прстроить взаимоотношения...

Выходя из лифта, он столкнулся с Асей, которая сказала, хмурясь:

– Поехала бы я с тобой, да денег нет. Сам видишь, что у меня...

– Деньги-то нашли бы, – отмахнулся Аркадий. – Решай быстрее, хочешь или нет? Я на вокзал иду.

– Вокзал побоку, до соседнего города можно и автостопом добраться, – с сомнением протянула Ася.

– Никаких автостопов, – отрезал он, – я стараюсь путешествовать комфортно и прибывать по расписанию. Говори, едешь или нет?

– Тогда тем более нет... Я деньги искала, чтоб игровушку себе пошить за неделю, сама не смогу так быстро, надо кому-то давать работу.

– Нашла проблему! – отмахнулся Аркадий. – Сможешь кроссполом?

– Зачем это? – уставилась на него Ася.

– Мальчиком. Секретарём моим. Уж тогда мы тебе сюртук в два счёта найдём, у меня много худых знакомых...

– Это как-то по-любительски, – поморщилась Ася. Аркадий раздражился, сделал короткий шаг вперёд – к лестнице, вынудив Асю спуститься на ступеньку ниже.

– Любительски, не любительски! Могут простить за неопытность – ведь мало кто зна-

ет, что ты уже играла, просто перерыв был два года. Да я вступлюсь. Мастера не люди, что ли? Определяйся давай.

Потом он сбежал по ступенькам, нёсся по улице так быстро, что горели щёки; крупные хлопья снега тут же таяли на коже, полы распахнутого пальто мотались, он едва не выронил паспорта, в спешке засунутые в карман. Было нервно и весело оттого, что всё-таки удалось её уговорить, и одновременно внутри сидел ужас – ничего не готово, хуже, чем ехать одному, сейчас придётся обзванивать знакомых, искать игровушку, которая будет Асе впопыхах, а ещё еда в дорогу на двоих нужна...

Он сделал всё чётко и быстро. Столько мелочей надо помнить, что голова, того гляди, лопнет. В день отъезда мысли занимала такая ерунда, как кастрюля с рисом: несколько дней наверняка продержится, не испортится, но кто знает... И консервы-то не открыть заранее, трупный яд – страшное дело. Колбаса, сыр... Ну, бутерброд-то сам себе намажет? До сих порправлялся с этим. Всё будет хорошо. Всё будет хорошо. Не научит с консервным ножом? Всё будет хорошо. Чай в чайнике. Надо отнести еду в мастерскую и хорошенко проверить запоры.

В конце концов, когда он ставил железную дверь – уже знал втайне, зачем она ему понадобилась. Подлая мысль, что завелась в голове, когда Ася рисовала портрет: а вот бы запереть эту дверь совсем, навсегда, будто действительно не существует «комнаты с хламом». Такой трюк возможен только в идеальном математическом пространстве, где вещи, не входящие в условия задачи, просто не принимаются в расчёт. Вот так бы исключить отца из геометрии повседневности, уменьшить чертёж квартиры на один прямоугольник – и расколотая жизнь Аркадия тут же срослась бы, воссияла в целостности, красоте и счастье.

Пусть не навсегда, но на время. Он рассчитывал, что мама вернётся вовремя и побудет в квартире, пока он в отъезде, но так... Пришлось положиться на удачу. И на крепкие запоры.

Жарковато, но на окне еда не быстро испортиться.

Когда уезжали, снег продолжал падать мокрыми клочьями.

Не нашлось времени собрать команду, чтобы представить всем Асю и объявить об её роли. Поэтому получилось очень глупое знакомство на вокзале. «Господа, это мой секретарь, мальчик-сирота, он почти всё время молчит, поэтому вам не придётся строить с ним взаимоотношения». Господа смеялись. Господа говорили грубо, что Аркадий «не может обойтись без того, чтобы не притащить на игру какую-нибудь новую бабу». А что, такое с ним и раньше случалось. Он приводил человека в ролевое движение, но интереса друг к другу хватало не больше чем на один сезон – и чаще всего именно у Аркадия первым пропадал интерес. Он оставлял девчонку самостоятельно дрейфовать, выбирать себе игры по вкусу, уже без него, – а она в отместку портила ему репу-

тацию.

Аркадий заметил, что Ася слушает шуточки очень внимательно и поджимает губы. Выяснить отношения некогда было – проводница уже проверяла документы. Толкаясь, компания взобралась по грязноватой лестнице в вагон, светлый и душный. Для путешествий не сезон, почти все полки пустуют. «Поедем, как короли, – сказал кто-то, – будем песни орать всю дорогу». Ещё одна девочка из их команды, полная и весёлая, похожая на фландинца с картин Брегеля, сразу расчехлила гитару.

– Да не сейчас же, – засмеялся Аркадий.

– Подождите хоть, пока бельё принесут. Надо выпить дежурный чай, смотреть в окно... что там ещё по традиции делают в поезде?

– Нафиг традиции, – хором ответили ему. Он оглядел их всех: лица, ещё румяные от холода, огромные рюкзаки на коленях, мокрые, запорошённые снегом, сейчас всё отряхнут и спрячут багаж под полки, а проводница с бельём застанет их уже за исполнением какой-нибудь всем известной песни, вроде: «Ну-ка мечи стаканы на стол», а может, и сами стаканы и кружки к этому времени появятся на белом пластике столешницы, какой там чай, что ты. «Главное, чтобы не слишком сильно накидались, – подумал он с беспокойством, – хорошо, что игра только с утра, успеют проспаться». Вообще-то он доверял своей компании: большинство – люди проверенные – знакомые с первой игры, в которой он принимал участие, с Греции. Не друзья, правда – приятели: друзей так и не появилось, ведь он, даже после того, как пришёл в ролевое движение, остался духовным отшельником... Аркадий оглядел их ещё раз, взгляд задержал на хохяйке гитары – Элли, она уже лады перебирала, что бы такое спеть, сейчас поезд тронется, давай про путешествия, банально... Ася забилась в угол и смотрела как-то колюче. Ноги подобрали, будто по полу крысы бегают. Аркадий взял её за руку, вывел в коридор.

– Что такое?

– Зачем они подтрунивают... – Ася плотнее запахнулась в старую кофту. Опять оделась в какие-то обноски... для поезда одежды хорошей жалко, или правда больше нечего носить? Аркадий решил, что не будет напоминать о долгах, хотя два лишних билета влетели в копечку. Сказал мягко:

– Я ведь предупреждал, что я очень плохой человек. И что обо мне всякое говорят. Эти люди – Телемах, Элли, Кекроп, Странник – мои добрые знакомые, а то бы ты ещё не таких подробностей наслушалась.

– Мне перед ними неловко.

– Чего стесняться? Элли вон тоже кросс-польщиком едет. Будет играть «правую руку» главы Ложи, то есть меня. Кстати, если бы она оказалась на твоём месте, намучился бы я, подбирая сюртук, – весело заметил Аркадий. – Всё пучком. Вливайся в коллектив, а я пойду влиять кипяток в стаканы. Хотя тут на чай мало охотников.

– Сделай и мне чайку, – кивнула Ася, немного успокаиваясь. Повернулась к нему спиной, чтобы пробраться на своё место в углу, справа от окна.

Он возвращался, держа в руках стаканы с чаем. Поезд набирал скорость. Аркадия пошатывало, кипяток даже выплеснулся на пальцы – он стерпел, сейчас эту мелкую досаду можно было не заметить, настолько хорошее настроение.

Подходя к купе, он вдруг понял, что у поющей Эры странно изменился голос. «И поёт что-то не из своего репертуара, – удивился Аркадий, – впрочем, что-то очень на слуху...» И едва он так подумал, мурашки побежали по спине, потому что знакомая строчка, вырвавшись, заглушила стук колёс:

– ...Где-то там, в глубинах сна...

Быть не может! Та самая колыбельная!

Аркадий едва не разлил чай во второй раз. С изумлением смотрел на Асю – оказывается, она позаимствовала у Элли гитару и пела песню, которую, как считал раньше Аркадий, не помнит вообще никто из ролевиков.

Да, это была она, песня Энгуса, первая песня, которую Аркадий услышал в больнице. Энгусу друзья привезли гитару – а то скучно лежать просто так; нога срасталась плохо, медленно или просто неправильно – врачам видней, поэтому Энгус в своём временном заключении, полусидя в кровати, пристраивал гитару на пузо и пел:

– Где-то там, в глубинах сна

Ходит бог, даёт нам имена...

Там было что-то про сонный рай, в котором младенцы дожидаются своего часа – когда их нарекают и отправляют на землю, к родителям; про животных, которые ждали своих имён от Адама, про колдунов, которые варят пойманное имя в кotle и причиняют зло или добро его обладателю... Песня была длинная, сложная, вычурная, Аркадий так и не смог запомнить текста целиком, но запомнившиеся строчки прошибали всегда до мурашек. Аркадий с трудом вспоминал потом и лицо Энгуса – оно долго было для него размытым пятном, а когда зрение немного улучшилось, да и очки подобрали посильнее – оказалось, что лицо ничем не примечательно: тёмное, заросшее щетиной, какое-то неопределённо-скользящее. А вот голос не ускользал: глубокий, звонкий, с золотинкой на выдохе.

Голос Аси был повыше, конечно, но исполнение ничуть не хуже, чем у Энгуса. «И рисует, и поёт, – с усмешкой подумал Аркадий. – При красоте такой и петь ты мастерица... Интересно, где же она выучила колыбельную? Значит, была знакома с автором?»

Аркадий, не желая отвлекать певицу, потихоньку поставил стаканы на стол. Сел на полку напротив, привалился спиной к стене и прикрыл глаза.

– Ты не плохой, а просто очень глупый, – раздались в голове слова Энгуса, вышедшие из самых глубин памяти. – Ну, скажи, почему ты плохой?

— Как это — почему... Из-за меня отец молчит. Я пытался быть свободным, а стал больным. На самом деле меня чуть не убила женщина, но теперь она и думать обо мне забыла... Хотя, конечно, не она убила, а привязанность к ней. Мне нравилось умирать с этой женщиной вместе. Ещё я раньше мог писать, а теперь не могу.

— Чепуха и ерунда, — Энгус бездумно перебирал струны. Или это Ася закончила песню и тренькает просто так, а ему снится, что Энгус? Какая разница. Дремота наваливалась шерстяным одеялом. — Галиматья и дребедень. Сдаётся мне, парень, ты не свободы искал, а просто чуда.

— Чуда? А есть ли оно?

— Вот как раз те, кто дует, колется, курит или пьёт, чтобы чудо пришло — на самом деле в него не верят. Они верят только в бесконечное чёрное дно, которое неумолимо приближается, а ты летишь со свистом и скоро разобьёшь об него голову.

— Я всё ещё падаю.

— Поехали со мной на игру. На «Мифы древней Греции».

— Не успею выздороветь так быстро...

— Я и сам не успею. Но это сезонная игра. Поехали на следующий год, в конце лета. Сыграешь, на худой конец, какого-нибудь старика, больного и склонного. Хромуячего-дремуячего.

— Эй! Эй, Аркадий! Беллерон! Смотрите, он спит.

— Давайте уложим его тут, внизу.

— Ну вот, а я-то надеялся на нижнюю полку...

— Ишь, неженка. Нижние полки — для девочек.

— А он что, девочка? А вы всё равно мальчиками едете!

— Не придирайся. Помоги его положить. Смотри, как крепко спит, из пушки не добудишься.

— Да, хорошо, что он с таким ростом внизу лежит. А то ноги в носках на уровне лица...

— В плацкарте всегда ноги торчат.

Античность — это не значит бегать в простыне и исповедовать свободные нравы. Мысль, которую Энгус долго пытался вдолбить в голову Аркадия и которую Аркадий со стеснённо-радостным чувством отстранил, едва начались первые минуты игры. В самом деле, глубоко в душе ему больше ничего и не хотелось.

Бегать и исповедовать. Едва он вышел в хитоне на залитый солнцем луг и увидел мерное, неспешное, сонное движение белых фигур, увенчанных лавровыми венками, — к нему пришло ощущение рая, этой вот самой счастливой страны Ар-ка-ди-и, где он никому ничего не должен. Пусть всё ещё прихрамывает, пусть упал с Пегаса, пусть мать после его выздоровления опять превратилась в «воскресную маму», полностью переложив заботу об

отце на его плечи, пусть кусаются комары, в полевом лагере недостало дров, а греческие храмы с колоннами на самом деле всего лишь криво натянутые полотнища — всё равно: это был мир, это был миф, это был рай.

Надо бежать по лугу, к ним, но шлем очень странно себя ведёт. Разве у Беллеронта была такая деталь костюма? Получается, что была, и теперь шлем всё время съезжал на глаза, превращая ослепительно сияющий луг в оборванную плёнку, половину кадра, за которой — муть и чернота.

Аркадий сдёрнул с себя шлем. Да это не шлем, а кастрюля! Дурно вымытая, пахнущая остатками пищи.

Он проснулся, будто его толкнули. Кая-то плотная занавесь отделяла полку от остального купе. Попутчики тихо переговаривались и шлёпали картами по столу. Аркадий прислушался к развязно-бессвязной речи: ну точно, напились. Интересно, Ася поддалась общему настрою и тоже «расслабилась»?

Опережая мысли, Ася приподняла занавес (это оказалось одеяло), проскользнула внутрь, села возле подушки.

— Мы тебя загородили, чтобы не мешать спать, — прошептала в темноту. — Они-то вообще не собираются ложиться. Всё равно приедем почти ночью.

— Петь будут ещё, как ты думаешь? — в сонном голосе Аркадия прозвучало беспокойство.

— Вряд ли. Элли гитару убрала. Да песни у ребят ненужные, вот ржать они могут громко, — Ася усмехнулась.

— Кстати, я хотел тебя спросить — откуда ты знаешь колыбельную? Про имена...

Ася замолкла — видно, не ждала такого вопроса. Потом нехотя сказала:

— Друг напел.

— Мне тоже... Не друг, а знакомый хороший. Он меня привёл на первую игру, а после неё следы как-то затерялись... Говорили, что ушёл из движения...

— Как его звали? — резко спросила Ася.

— Энгус.

— Это он. Сашка...

— Он дал мне имя.

— И мне. Назвал Алконостом... за красивый голос. И за то, что ноги всё время поджимаю, когда сижу. Дразнил меня: «Девочка, ты птичка?»

Когда мне было шестнадцать, мама стала жить с отчимом. Они даже разменяли квартиры на общую. А мне с ними жить не было, да ещё и собственного ребёнка ждали они, обстановка дома нервная, ни к чёрту, в общем... сбежала я. И пошла на вписку к Сашке. А он это серьёзно воспринял. Мы вообще-то нравились друг другу, но, сам понимаешь, я ещё зелёная была, о семье думать... нет. Тем более, такие примеры перед глазами. Но он решил, что надо. Перестал ездить на игры — мы вместе перестали. Устроился на работу. Говорил, что через пару лет поженимся, и...

— Погиб? — Аркадий даже привстал.

— Какой ты максималист, — Ася опять усмехнулась, но невесело. — Нет, у этой истории простая концовка. Видишь ли, Сашка любил спасать. Всех и каждого. Но нельзя спасти кого-то, если, вытаскивая, сам вязнешь в болоте и отказываешься от всего, что у тебя есть в жизни хорошего, от всего, что ты можешь сделать прекрасного, ты и никто другой.

Он пытался спасти меня от склок и дрязг, от ада родного дома. Но вскоре мы стали жить, как обычная молодая семья. Как семья, слишком рано ставшая семьёй. Даже хуже: как семья из анекдота. Мои детские капризы, неумелость в быту, его усталость, проблемы с работой, косые взгляды соседей, равнодушие родственников и абсолютное отсутствие помощи... Наверное, некрепкая нас связывала любовь. А желание спасти — этого недостаточно, чтобы удержать. Так и разошлись через два года.

К середине ночи ребята всё-таки угомонились, полезли по полкам.

В купе раздавалось мерное сопение. По стеклу ходили тени, тряслась в стакане забытая ложка. Аркадий совсем отлежал руку, потому что Ася в какой-то момент, устав длить сонный разговор, решила прикорнуть рядом. Она была худенькая и много места не занимала, но Аркадий боялся, чтобы она от резких толчков поезда не слетела под стол, и придерживал её, тяжёлую и сонную. Растрёпанные волосы девчонки лезли Аркадию в лицо. В таких условиях спать не очень получалось. Он смотрел на тёмные окружные узоры на одеяле; они просвечивали, когда за окном проносились огни станций. Бесконечно повторяющиеся круги, как ряды кастрюль. Кастрюли, кастрюли, дурно пахнущие бездны ошибок, зарядить в дно головой со всего маху, я всё ещё. Ты просто глупый. Не даю индульгенций.

Когда до нужной остановки осталось не более двух часов, навязчивая идея окончательно завладела им. Проклятая кастрюля не выходила из мыслей. Он точно забыл поставить её на окно. Не только кастрюлю: он совсем не положил в мастерскую еды. Всё приготовил и по дурацкой привычке аккуратно убрал в холодильник.

А вот сейчас аккуратность будет кстати: осторожно, не разбудив девушку, высвободить руку, подняться, осторожно вытянуть рюкзак с третьей полки, осторожно, не слишком шурша, накинуть зимнюю куртку, найти в темноте ботинки и ждать возле тамбура, пока не будет очередной двухминутной, крохотной стоянки.

Выйдешь — там наверняка мороз, тайга и снег, снег. Что же, заслужил. Может, и замёрзнешь в пути, пока будешь искать выход на трассу.

Где-то там, в утробе сна, плавает законсервированная средневековая Англия, масонская ложа смотрит свои масонские сны и ещё

не знает, что их предводитель позорно бежит, потому что не смог уберечь того, кто владеет и циркулем, и наугольником.

Травить байки, развлекая того, кто решил тебя подвезти, не оставлять багаж без присмотра — всё это было послано к чёртовой матери, едва голова коснулась мягкой спинки сиденья. Оставалось удивляться, как ему повезло с водителем. Он очнулся уже на подходе к окраинам. Его добродушно растолкали, вручили пакет, в спешке забытый под сиденьем. Аркадий вышел из машины и очутился среди гаражей, засыпанных снегом и похожих на коренные зубы какого-то ископаемого. Грузовик рванул с места и мгновенно пропал в темноте. Аркадий пошёл сначала по обочине трассы, слабо освещённой фонарями, бездумно шагал и смотрел, как в жёлтых пятнах света крутится снежная мошька. Потом свернулся. Пробирался по оврагу в полутьме, наткнулся на бродячих собак и даже не стал махать подобранный палкой, равнодушно шикнул на них, и они отступили, рыча.

Наконец гаражи кончились, он вышел к автобусной остановке. Почти сразу же подъехал нужный автобус, кондукторша покосилась на огромный рюкзак, но за багаж требовать не стала — и на том спасибо.

С этого момента тягуче-бредовый сон стал ускоряться. Аркадий доехал уже и опять шёл пешком, до дома осталось два квартала. Суетный страх подстёгивал. В каждой подворотне мелькали опасные огни — наблюдали. Деревья нависали над переулками, смыкались кронами, пространство искривлялось, как гигантская линза. Потом он уже бежал, мимо пропуска лампы, висевшие над дверями подъездов, дом был поезд и стремительно уплывал назад, сверкая редкими ночных окнами.

Вот второй дом-поезд, он узнал его и побежал, стремясь к лобовому столкновению, дом вырастал и нависал над ним, в окнах подрагивали тени, лиловые вспышки — это жили бессмысленной жизнью телевизоры, настроенные вечерами на один и тот же канал. Аркадий во все глаза смотрел на окно мастерской, окно «комнаты с хламом» — оно было открыто, распахнуто настежь, хлопало на ветру. Внутрь наверняка залетел снег, тает на простыне и подушке, хлопья тонут в стакане воды... если она ещё не превратилась в лёд. Подумав об этом, Аркадий ворвался в подъезд и побежал, перепрыгивая через две ступеньки. Долговязый, чёрный, он скакал по лестнице, датчики не успевали реагировать, лампочки зажигались, когда его уже не было на площадке. Если бы кто-то в этот момент смотрел на дом снаружи, то не увидел бы движущейся фигуры, а только растущий толчками столб света: первый этаж — второй — третий — четвёртый...

На седьмом Аркадий затормозил перед железной дверью. Пытался всунуть ключ, руки

дрожали, как у алкоголика. Он отвык от запаха квартиры, и понял теперь, что здесь до сих пор пахнет мебельным kleem. Почему-то, не зажигая люстры, побежал сначала на кухню, рывком открыл дверцу холодильника. Так и есть: отцовская кастрюля стоит здесь. Нетронутая.

Аркадий попятился назад, в коридор. Щёлкнул выключателем: шкаф на своём месте. Торопливо Аркадий развенчал его, снял цветы – съетые, недавно политые, с блестящими листьями – поставил на пол. Когда он налёг на шкаф, спина снова заныла. Сантиметр за сантиметром ему удалось, превозмогая тупую боль, отодвинуть преграду наполовину. Попытался протиснуться в темноту за шкафом, искал ручку замка на ощупь и не находил.

Пришлось отодвинуть шкаф. В спине стрельнуло, Аркадий схватился за поясницу, стоял, согнувшись, перед освобождённой нишей. Медленно поднял голову; не веря, пощупал руками, постучал кулаком, поковырял пальцем обои.

Нет никакой ошибки. Нет никакой двери.

Обычная стена, те же обои, может, чуть ярче, чем везде в коридоре – не выцвели за шкафом. На полу – пыльные комки, паутина в углу.

Нет ничего, нет ничего, нет.

Аркадий опустился на пол и закричал.

* * *

Человек шёл по талому снегу. Прозрачные хлопья мутно ложились на носки блестящих ботинок. В снегу лежало яблоко с чёрным бочком; он поднял его и захрустел. Рот, кусая яблоко, открывался широко, открывался так, будто был заново вырезан. Кусать было очень приятно, лизать – тоже, и он подставлял руки ночной порошке, а потом слизывал с пальцев. Снег падал густо, как манна небесная.

На бульваре, у седьмой скамейки, человек на мгновение остановился под единственным неразбитым фонарём, чтобы написать смс:

«Возвращайся к сыну».

Пись – успешно доставлено. Он сунул телефон в карман и зашагал дальше, поёживаясь от холода и свободы.

